

Александр Александрович Овсянников
(1879 - 1951)

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ПЕСНЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Петербург: государственное издательство
Книгоиздательство Петроградского Совета
1920

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Тематические материалы в нашей библиотеке:

Революционный и контрреволюционный фольклор
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm

А.Радиге. Французские музыканты эпохи Великой французской революции
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p71561551.htm>

А.Рубинштейн. Песни французской революции
http://vive-liberta.narod.ru/journal/revol_songs.htm

Звуки свободы: музыка революционных празднеств
<http://vive-liberta.narod.ru/music/alexandr1.htm>

С.Великовский. Поэты французских революций 1789-1848 гг.
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/poets_velikovski.pdf

Г.Кунов. Политические кофейни: парижские силуэты времен Великой французской революции
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kunow_caffe.pdf

ВВЕДЕНИЕ.

1.

Песня стара, как человечество, и, вероятно, нет и не было на земном шаре ни одного народа, нации или племени, которые не пели бы, не изливали бы в песнопениях своих переживаний.

Но по-разному звучат эти песни и по-разному отражаются в них народная душа. Иначе звучит песня карамба, ожидающего, что враги съедят его, и рассказывающего им в песне, что вместе с ним они будут есть своих отцов и детей, послуживших в свое время пищей его телу; иначе звучит песня земледельца-египтянина, идущего по пашне за своими волами. Иной характер имеют песни солнечной Греции с ее легендарным Орфеем, очаровывавшим своим пением диких зверей, или песни любви Сафо и Анакреона.

Поют евреи, уходя из Египта, прославляя Иегову, «потому что высоко превознесся он, коня и всадника его ввергнул в море»; поют римляне, издеваясь над своими цезарями; поют германцы, приступая к решительному бою.

Поют все народы при всяких условиях, и в первобытные времена песня до известной степени служит книгой: «она», говорит Гердер, «устаами певцов передает исторические события, таинства и чудеса». Не разошлись ли сохранили нам поэмы Гомера и не бродячие ли певцы в течение многих веков распевали перед самой разнообразной аудиторией про «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой?»

Во Франции песня процветала во все времена. Некоторые из французских исследователей даже заявляют с гордостью, что «другие народы умеют петь, но у них нет песен». Это, конечно, гипербола, но едва ли у другого народа песня была в таком почете и пользовалась такой популярностью, как во Франции.

Дюмерсан, один из лучших знатоков истории французской песни, так характеризует ее: «Песня играла у нас во все великие эпохи значительную роль, и ее история есть до некоторой степени история Франции. Ведь в песнях забывали рабы о своих несчастиях; ведь

с песнями наши отцы поднялись против тиранов и раздавили их под своей мощной стопой; ведь это наши боевые гимны почти в такой же степени, как и мужество наших солдат, одержали победу над королями Европы». И далее: «При всякого рода режимах,—и в этом ее главная слава,—песня не боялась преследований; ни тюрьма, ни эшафот не могли заставить ее молчать». Речь здесь идет о песнях политических и сатирических. Эти сатирические и политические куплеты были и остаются настолько характерной особенностью Франции, что и сейчас еще трудно себе представить какое-нибудь мало-мальски значительное событие, которое не было бы воспето. Слова Бомарше: «У нас все кончается песнями»—сохраняют силу и по нынешний день.

В былые же времена сатирические куплеты рождались, как грибы после дождя, и было чрезвычайно трудно установить, кто являлся автором той или иной песенки, направленной, как водится, против лиц, власть имущих. В этом отношении не лишен остроумия ответ, данный одним из куплетистов герцогу Орлеанскому, когда тот спрашивал его, кто же является автором сатирических водевилей (куплетов), направленных против него: «Государь,—ответил он,—по правде говоря, я думаю, что они появляются сами собой». Смысл ответа понятен: шутить над сильными было не безопасно, и авторы подобных куплетов предпочитали скромно оставаться в тени, чтобы не пожать слишком печальных лавров. Еще в XVIII веке мы встречаем сатирические куплеты, творцы которых, вместо своей подписи, скромно заявляют: «Тот, кто сложил эту песню, не посмеет назвать своего имени, ибо его отхлещут тогда плетью», или: «Автор этого водевиля не скажет, кто он такой, ибо ему нравится быть подальше от Бастилии». В более же далекие времена можно было поплатиться и более жестоко.

Следует заметить, что эти сатирические песни царили главным образом в городах, и особенно в Париже. В народ, в широком смысле этого слова, попадали только отрывки их. Да народ в большинстве случаев и не понимал их или переделывал по своему. Только во времена революции было оценено значение песни, как орудия пропаганды, и деятели ее позаботились о том, чтобы песни, восхваляющие новый строй, стали доступными для широких масс. Но об этом ниже.

Песни сатирические и политические не оставляли в покое никого, не замалчивали ни одного заметного события. Нам приходится¹⁾ в другом месте упоминать о песнях, рисовавших отчаянное

положение крестьян среди непрерывных войн и усобиц, раздирающих Францию. Но крестьянами интересуются лишь отдельные куплетисты, огромное же большинство их, как и можно было ждать от горожан, больше всего занято событиями политической и придворной жизни. Войны Карла V и Франциска I, разгром при Павии, плен короля в Мадриде, смерть Генриха II, отъезд Марии Стюарт из Франции, наглость любимцев Генриха III и убийство его, войны с Англией и опустошения, чинимые английскими войсками и войсками французской короны,—вот, что дает пищу то злобным, то грустным, то насмешливым и едким куплетам разных песенслагателей. Даже самый страшный Людовик XI не избежал этой участи, а уж о его придворных и говорить не приходится.

Вторая половина XVI века полна песнями гугенотов, которые, не стесняясь в выражениях, высмеивают и вышучивают католиков и их религиозные обряды, впрочем, и католики не остаются в долгу и в свою очередь в кривых куплетах издеваются над сторонниками Реформации. Песня становится разнузданной, заполняет город и двор, сохраняется в наизидание потомству в рукописных сборниках, причем имеет нередко настолько непристойный характер, что совершенно недоступна для печати. А во время гражданских войн и волнений при Генрихе IV грубо циничные и нечестивые песни получают такое широкое распространение, что подымается даже вопрос о борьбе с этим явлением, но вопрос так и остается открытым, потому что поют все. И чем дальше, тем это явление становится обычнее. При Людовике XIII даже всеильный Ришелье не избег общей участи—быть осмеянным в куплетах. Векерлан говорит: «Это в действительности скандальная рифмованная хроника, бесстыдные куплеты на королей и королев, принцев и принцесс, Ришелье, Мазарини, Кольбера и других. Все великие имена Франции воспеты в них. Эти произведения растягиваются иногда на полтора ста стихов, стиль которых стоит на высоте их мысли». Мазарини, против которого было составлено огромное количество песен, так-называемых «мазаринад», успокаивается, говоря,—«пусть поют, лишь бы платили (налоги)». Ответ характерный, не менее характерный, быть может, чем ответ Марии Медичи своим придворным дамам, которые спрашивали ее, как сообщить жене Кончини о гибели от руки убийцы ее мужа, бывшего возлюбленного самой королевы: «Как сообщить?—воскликнула не смущающаяся королева,—спойте ей об этом песню!..»

После «мазаринад», особенно расплодившихся в эпоху Фронды, сатирическая песня с одинаковым успехом нападала и на самого «короля-солнце», Людовика XIV, и на его возлюбленных, и на Лю-

¹⁾ «Крестьяне и крестьянская доля в старой французской поэзии». «Сев. Зап.» 1913 г.

довика XV и весь его двор. Количество этих песен огромно, содержание их очень резкое и часто очень крепкое. Но они были настолько в моде, что каждый уважающий себя человек стремился составить себе рукописный сборник этих непочтительных к правящим лицам произведений. Курьезнее всего, что одно из подобных, наиболее полных собраний составлено королевским министром графом Морепа.

Особой популярностью среди парижан пользовались «горлодеры» с Pont-Neuf—Нового моста. Там с давних пор располагались перед своей аудиторией уличные певцы, распевавшие, или, вернее, оравшие свои произведения, составленные в доступной для народного понимания форме. От них по прямой линии исходят уличные певцы времен революции. Репертуар их был весьма разнообразен, но, как общее правило, можно сказать, что все, о чем люди не смели говорить, они вливали в песни. Вот почему не слишком парадоксальным является не раз высказанная мысль, что в XVIII столетии королевская власть во Франции была самодержавной, но абсолютизм ее был ограничен песнями. Она и рухнула среди песен Революции.

К этому мы теперь и переходим:

2.

Песня — это литература тех, кто не умеет читать.

Л а м а р т и н.

«В то время, как мир выковывал себе счастье, в то время, как человечество почуяло, что оно родилось, поэт-народ грезил, творил и своими тысячами рук писал тысячи стихов. Какое дело было ему до правил просодии, классификации, до поэтических требований,—этих многочисленных и слишком узких рамок для выражения таких широких чувств. А, кроме того, что это было за время! Подумайте только, с какой быстротой неслись события! А для каждого собрания, для каждого мятежа, для каждой победы, для каждого преступления нужно было какое-нибудь произведение,—ода, басня, поэма, сатира, песня, словом, хоть что-нибудь. Время не терпит, скорей же перо, чернил и какую-нибудь подставку, краешек стола, барабан, стелу, чурбан, не будем из-за этого ссориться, но будем ясными, а главное, искренними».

В таких словах Ж. Дюваль характеризует в своей «Истории революционной литературы» поэтическое творчество времен Революции. Суживая тему, мы сможем сказать то же самое и о песнях Революции.

Действительно, тот, кто просматривал все эти бесчисленные листки серой, часто оберточной бумаги, на которых напечатаны с бесконечным числом ошибок и опечаток все эти произведения народного творчества, кто видел всевозможные альманахи, наполненные песнями и куплетами, тот поймет, что у этого поэта-народа действительно была живая потребность излить свои чувства хотя бы и в самой несовершенной форме. До рифмы ли тут, когда сегодня взята Бастилия и надо прославить народных героев, штурмовавших ее, об отделке ли стиха заботиться, когда арестован бежавший король или убит «друг народа» Марат, или одержана победа над коалицией, и необходимо возможно скорей реагировать на эти события, написать песню, набрать и напечатать ее и в тысячах экземпляров распространить по городу, где толпы народа будут распевать ее на какой-нибудь ходячий мотив. И сегодня где-нибудь в мансарде никому неизвестный автор трепетной рукой выводит свои корявые строфы, а завтра все парижские, лионские и иные патриоты вместо газеты прочтут его песню, его призывы не давать пощады врагам отечества, узнают о новом заговоре иностранных держав или о происках аристократии, о пользе разводов и браков духовенства, и о многом другом столь же важным, столь же волнующем все сердца и умы. И новорожденный поэт не заботится о форме своего произведения, его интересует прежде всего содержание, прежде всего пропаганда новых идей, всегда «патриотических», всегда крайне определенных и ясных, доступных пониманию его широкой аудитории. Пройдет два-три дня, и песня его в огромном большинстве случаев забудется и затеряется, ее вытеснят произведения других авторов. Хорошо еще, если она попадет в какой-нибудь сборник песен, альманах или будет за свои достоинства занесена в «официальный бюллетень» и таким образом сохранится для потомства. А чаще всего она очень быстро исчезает с горизонта и становится библиографической редкостью. Сохранилось всего около трех тысяч песен времен Революции, а сколько их затеряно, сколько уничтожено самими же авторами, конечно, никогда не будет установлено.

Песни этой эпохи, как и огромное большинство сатирических и политических куплетов всего предыдущего времени, интересны прежде всего своим содержанием. Олар до известной степени прав, когда говорит, что главным недостатком всей поэзии революционного периода было противоречие между формой и содержанием; в старые мехи хотели влить новое вино, поэтому, за исключением творений Ан. Шенье и Марсельезы, «все остальное бледно, неудобочитаемо, мертво». «Революция,—говорит он,—завершившаяся в идеях, совершалась в делах, но еще не начиналась в литературных формах. Новые широкие идеи старались облачать в старый классический

костюм, изношенный и узкий. Взятие Бастилии и культ богини Разума воспевали в стихах и стиле автора «Вероники» (Расина). Наши отцы не чувствовали этого контраста, они не видели ни этих париков, ни этого маскарада и воспринимали только поэзию, скрывавшуюся за этими формами и жившую в их сердцах. А для нас эта форма скрывает содержание, и почти вся эта поэзия пропала для нас».

Но дело тут не в одной только старой форме, в которую хотели влить новое содержание, а дело и в таланте. Революция, выдвинувшая ряд замечательных ораторов, публицистов, художников, музыкантов, полководцев и проч., не выдвинула ни одного действительно крупного поэта, если не считать Ан. Шенье, бывшего на стороне контр-революции. Все же остальные, считая и Жозефа Шенье и Ле-Брена, не обладают достаточным талантом, и их поэзия в лучшем случае напыщенна и неестественна, полна декламации и лишена искренности. Поэтому и гимны их, и песнопения в честь Революции, за немногими исключениями, не поднимаются выше уровня посредственности. Но если таковы были наиболее видные представители революционной поэзии, то что же можно сказать о всей остальной массе безвестных рифмоплетов, часто не знакомых даже с правописанием. Правда, от этой эпохи осталась Марсельеза, но ее литературные достоинства не так уж велики, и, по существу, она является рифмованной прокламацией. Поэтому, если мы будем рассматривать песни Революции с художественной точки зрения, то мы должны будем вынести им самый суровый приговор. Но мы должны подойти к ним с другой меркой. Мы не должны забывать, что писать патриотические песни было в то время актом цивизма и патриотизма, как патриотично было заседать в комитетах и секциях, как патриотично было добывать селитру, смотреть на казнь «врагов отечества» и т. п. Вот почему истые патриоты и занимались слаганием песен. Не их вина, что они были не слишком сильны не только в версификации, но и просто в грамоте. Незвыскательная аудитория прощала им недочеты формы или просто не замечала их. И как же было не простить, когда куплеты исполнялись на самые животрепещущие темы: то воспевалась декларация прав человека и гражданина, то преподносился «разговор тигрицы Антуанетты с гильотинной в день казни», то прославлялось умиротворение Ванден и т. д. Злободневная песня была во все времена в большом почете, у нее был свой канон, свои правила, и почти все новоявленные певцы и поэты рабски следовали этим правилам, не имея достаточного таланта, чтобы проложить себе новый путь. Вот, считаясь с таким положением дел, мы поймем, что все эти песни могут и должны интересовать нас, как своеобразный исторический материал, так как в них мы находим отражение жизни и переживаний той

бурной эпохи, так как они ясно и без фигур умолчания говорили обо всем, что волновало и беспокоило народное сердце.

Кто же были эти авторы патриотических песен и как смотрели они сами на свои литературные упражнения? В капитальном труде К. Пьерра, посвященном обзору источников и классификации всей песенной литературы революционной эпохи, мы находим ряд интересных сведений для ответа на этот вопрос.

Всего известны имена не менее 580 авторов, причем один из них (Т. Руссо) написал до ста песен, двое других (Ладрэ и Пюис)—до 50 песен, четверо—от 30 до 42 и т. д., причем человек шестьдесят дали по две песни. Имена приблизительно половины авторов нам неизвестны. К. Пьерр предполагает, что они не подписывались под своими произведениями уже не из страха, как это было во времена монархии, а просто из скромности.

Просматривая подписи авторов под именами, мы можем установить, что все классы общества, все сословия его поставляли бардолов революции.

Имеются профессиональные уличные певцы и артисты, простые ремесленники и крестьяне и люди аристократических кругов, депутаты Конвента и офицеры, конторщики и адвокаты, маляры и доктора и т. д. и т. д.

Писали дети и старики, встречаются подписи 78-летней старухи, есть песня, принадлежащая слепому. Некоторые из подписей трогательны по своей наивности и оригинальности. Так, мы имеем подписи «молодого санкюлота из Нижней Бретани», «санкюлота на жизнь и смерть», «жены и матери защитников отечества», многие просто подписываются «патриот» такой-то и т. п.

Посмотрим же, как все эти «патриоты» относились к своей певческой миссии. Выслушаем сначала самого плодovitого из них—Т. Руссо.

В послесловии к сборнику своих «песен патриотизма» он говорит следующее: «Все те, кто знают мой уже достаточно разошедшийся труд, легко поверят, что у меня нет никакого намерения производить тут какую-то денежную спекуляцию. Нет, не это было моей целью, и клянусь, что мое предприятие является чисто патриотическим» (курсив мой). И далее он объясняет, в чем же заключается патриотизм издания его песен: «Под легкой формой песни я даю всем классам сограждан образование, тем более ценное для них, что оно, не отвлекая их от обычных занятий, лишь еще более воодушевляет их песнями чистыми, легкими и повсеместно повторяемыми, песнями Гражданственности и Патриотизма». И как бы предвидя возражение, что для этой цели существуют книги, он

торжественно заявляет: «не все имеют время читать большие сочинения, не все достаточно просвещены, чтобы обдумать и оденить их, но нет ни одного человека, каково бы ни было его положение, который не имел бы времени выучить эти куплеты, не был бы достаточно умен, чтобы воспринять их идеи и, повторяя их, запечатлеть у себя в памяти. Этот метод обучения, как будто и очень легковесный, но на деле очень солидный, показался мне предпочтительным по сравнению со всеми остальными методами, поэтому я и принял его. Обычными недостатками других методов обучения являются их сухость и однообразие, которые всегда вызывают отвращение. Напротив того, разнообразие, счастливое разнообразие, которое всегда привлекает нас и никогда не утомляет, является главным достоинством жанра, избранного мною». Еще любопытнее дальше: «Наши молодые граждане, которым я посвящаю мой труд, почерпнут в географических, мифологических, исторических и критических примечаниях, сопровождающих каждую песню, эти первоначальные сведения, так что впредь будет стыдно простому ремесленнику или даже чернорабочему не знать их». И он ссылается на членов общества «Друзей конституции», которые так характеризуют его творения: «Ваши стихи, говорят мне члены этого комитета, ваши стихи, напоминающие всем гражданам наиболее счастливые эпохи французской Революции, должны быть встречены с восторгом; они воспламят старцев, они удвоят мужество молодежи, они приятно научат детей». И в заключение, ссылаясь на то, что и цена этим песням им понижена настолько, что другие куплетисты упрекали его в *подрыве ремесла*, он говорит: «Дадим народу все, что мы можем дать, ...ибо таким образом мы исполним обязанности, которые налагает на нас священный титул *брата*, каковым мы любим теперь именовать себя».

Совсем в pendant к намерениям Руссо стоит «Альманах санбюлотов», где приложен рисунок с надписью: «Добродетельный санбюлот отдыхает от дневной работы, распевая в лоне своего семейства декларацию прав человека и гражданина». А в самом альманахе эта декларация переложена в куплеты. Как видим, Руссо был не одинок в своем стремлении песнями просветить сограждан.

В другом роде и тоже весьма своеобразно высказывается о роли песни другой плодовитый куплетист — Пинс (Pins). В предисловии к сборнику своих «Патриотических песен» он говорит: «Французский народ был только легкомыслен, когда он восхвалял свои увлечения. Но когда он станет прославлять добродетель, он всегда будет на высоте Революции. Гомер *пел* (курсив мой) свои поэмы, но греки вовсе не были фривольны; Гораций *пел* свои оды и свое «Carmen Seculare», но римляне вовсе не были фривольны.

Французы, *хотя и поют*, доказали, что они вовсе не фривольны, и они оставили далеко позади себя английский народ, который не поет совершенно и который всегда имел только полусвободу. Во всяком случае заметим, что философ-патриот, терпимый, как и закон, совершенно не должен препятствовать евреям и протестантам распевать псалмы Давида, но он должен так патетически петь гимн марсельцев, что и евреи и протестанты в конце-концов составят с ним единый хор». Заключение положительно великолепное, — песне отводится роль чуть не религиозного проповедника, и Марсельеза должна заменить псалмы Давида. Большого требовать трудно.

Если Руссо преследовал цели обучения, а Пинс — обращения пiousцев, то другие ставят для песни более широкие цели. В газете «Парижская Хроника», в статье от 29 окт. 1792 г., помещенной за подписью Руссель и озаглавленной «Chansons, chansons» («Песни, песни»), мы читаем следующее: «Все народы любят пение, не все поют одинаково хорошо, но поют все, и на всех пение производит известное впечатление... Пение принадлежит ко всем эпохам, ко всем местам, ко всем временам года...

«Я предлагаю присоединить наши песни к нашим пушкам; первые будут направлены против хижины, тогда как вторые — против замков.

«Каждый знает, что знатным надо воздавать почет; поэтому на канониров будет возложен первый визит, а так как он никогда не будет очень долгов, то поблизости от них будут следовать певцы. Они будут прославлять наши законы, нашу свободу; они вдохнут любовь к ней народам, удивленным тем, что осмеливаются производить ее имя.

«Песни произведут более быстрое впечатление, чем писанья, будут их предтечами и заблаговременно рассыпят искры света.

«Песня марсельцев одновременно просвещает, вдохновляет и радуется; ее одной будет достаточно, чтобы покорить всю брабантскую молодежь.

«Из этого я делаю вывод, что к каждой из наших армий надо присоединить четырех певцов (курсив мой). Совершить нашу революцию с песнями, — это почти верное средство помешать ей *кончиться песнями*».

Было бы ошибочно думать, что подобные мнения о том или ином значении песен в деле пропаганды патриотических идей исходили только от певцов и куплетистов, т.-е. лиц, заинтересованных в распространении своих произведений. Нет, это было не так. На стороне патриотических певцов было само правительство. Сам Конвент неоднократно выслушивал в своих заседаниях певцов, приходивших с разными депутациями, и песни, исполнявшиеся ими, заню-

сились в протоколы заседаний Конвента. В издании «Muses sansculottides» (Санкулотские музы) многие из этих песен перепечатаны с гордым упоминанием, что данная песня «пропета перед лицом Конвента» такого-то числа. В конце-концов Дантон поднял голос против заполнения официального издания литературой подобного рода, и несколько позднее он же настоял на том, чтобы Конвент запретил исполнение этих песен во время своих заседаний.

Значение песни, как средства пропаганды своих взглядов, понималось очень хорошо не одними революционерами, не одними сторонниками новых порядков. Монархисты и контр-революционеры пользовались этим оружием в своих целях с таким же усердием, как их противники в своих. Все, что можно было высмеять в противном им лагере, все, на что можно было написать пародию, — отдельные личности, учреждения, правительственные акты, события, — все подвергалось ими осмеянию, порой очень злому и остроумному, порой грубому и непристойному. Быть может, творения сторонников старого режима были в общем несколько грамотнее, чем песни революционеров, так как исходили от лиц, более опытных (в среднем, конечно) во владении пером и в версификации, но слишком часто по своей грубости и резкости они несколько не уступали произведениям уличных певцов. Впрочем, некоторые из их песен были очень чувствительны, сентиментальны, особенно песни, распространявшиеся в защиту заключенного короля и его семейства. Эти последние, повидимому, сыграли свою роль. Так, Олар указывает, что некоторым влиянием они все-таки пользовались:

«Если роялистам, говорит он, и удалось кое-где вызвать некоторое сострадание к королю, то это достигалось песнями, которые действовали тогда сильнее газет»¹⁾. И хотя дальше он говорит, что результат этих песен был ничтожен: — «Все усилия роялистов во время суда над королем привели лишь к тому, что в некоторых местах распевалась роялистская песня», — но в другом месте он сам же признает, что в северной армии в июне 93 года «солдаты совершенно открыто пели эти песни и громко заявляли, что им нужен король». Романс этот («Людовик XVI к французам») был роздан в тысячах экземпляров и публично пелся в Париже в тот самый день, когда была произнесена защитительная речь короля. Он сделался очень популярным среди роялистских повстанцев, вандейцев и эмигрантов».

Таким образом, и роялистам удавалось вести пропаганду песней среди своих и чужих, и вандейцы, напр., на республиканскую Мар-

сельезу отвечали своей «песней Шаррета» и своей вандейской марсельезой. И, повидимому, в той же северной армии пропаганда песней достигла таких размеров, что обеспокоила даже центральное правительство. Таково мнение того же Олара. «Быть может», говорит он, «то обстоятельство, что этот романс распевался в армии, стоящей лицом к лицу с австрийцами, пришедшими водворять Бурбонов, выясняет ту фанатическую суровость, с которой Конвент во времена террора очищал армию от офицеров».

Песня, как средство пропаганды, действовала во всех направлениях, будила мужество и энергию одних, устрашала других, смеялась над третьими, и значение ее в те времена было признано всеми. Не даром же Наполеон говорил, что «Марсельеза была самым великим генералом Республики, и чудеса, сотворенные ею, неслыханны».

3.

Сначала люди поют, а потом уже пишут.

Шатобриан.

Мы видели, как относились революционные барды к своему творчеству, как смотрели они на роль и значение своих произведений. Были ли они искренни или же все их пышные и торжественные заявления есть только стилистическое упражнение на тему о любви к отечеству, а их песни — только погоня за модой, только ни к чему не обязывающее выражение своих скоропреходящих, хотя бы и самых патриотических настроений? И да, и нет. Да — потому что среди всей этой огромной толпы куплетистов и песенослагателей были люди, которые с самого начала и до конца Революции оставались верны ее знамени, верны республиканскому идеалу; поэтому они были и остались искренними в своей ненависти к «коронованным тиранам», в своей преданности идеалам «Свободы, Равенства и Братства», величию Республики. И в их устах слова «святая свобода» и «смерть тиранам» звучали суровым пафосом глубоко преданных своей идее людей. Это были те, которые и у подножия эшафота продолжали петь Марсельезу или гимн о том, что «умереть за родину — это наиболее прекрасный и достойный зависти жребий», как пели жирондисты в момент совершения над ними казни; Жан Жирен Дюпре накануне казни гордо заявлял, что он писал только «патриотические песни», и т. д. Но если одни были так стойки в своих убеждениях и могли сказать словами одного певца-бабувиста: «Я уверен, что наградой за мою песню

¹⁾ «История революции», стр. 450 рус. перев.

мне будет тюрьма. Это меня огорчает. Но народ выучит ее и, быть может, будет благословлять автора. Это меня утешает», — если, говорю я, многие из этих певцов остались верны своему идеалу, то многие не стеснялись менять своих богов при каждом удобном случае. Хорошо еще, если они просто разочаровывались в былых увлечениях и не втаптывали в грязь того, что воспевали раньше. Но были такие, которые могли с гордостью повторить слова Кака-тогана (Поэт из «Истории белого дрозда» — А. Мюссе): «Я пишу стихи не со вчерашнего дня... Я пел при Людовике XVI... Я орал за Республику... Я благородно воспевал Империю, я скромно хвалил Геставрацию». Одни из них просто, старались уничтожить следы былых увлечений. «Позволительно думать, говорит Шарль Нюиттер, что когда прошла революционная буря, то вспомнившие об этом пламенном лиризме не всегда было приятно авторам подобных произведений. До нас дошли те из них, которые были напечатаны и выгравированы; что же касается рукописных произведений, то авторы многих из них позаботились уничтожить их впоследствии, и в богатой библиотеке Оперы наименее полным является республиканский репертуар. Это и понятно. В известный момент было выгодно казаться патриотом, и эти рыцари на час с пеной у рта славил всех, кто был у власти, воспевали не только «святую свободу», но и «святую гильотину, укорачивающую королей и королей». Их девиз был — восхвалять все, что нравится господам дня, потакать и потворствовать какой-угодно подлости, лишь бы она исходила от сильных. Г-жа Ролан очень едко охарактеризовала одного из подобных певцов: «Кюбьер, — говорит она, — прославляет санкюлотизм так же, как он раньше воспевал Граций, слагает стихи в честь Марата, как он слагал их в честь Ириды, и, кровожадный без исступления, как он раньше был влюбленным без страсти, он рабски простирается перед идолом дня, будь это Тевтастес или Венера». Или, напр., Франсуа Нефшато в 93 году вслячески прославляет «Гору», именует монархов «чудовищами» и «коронованными тиграми», а несколько лет спустя он не находит слов для выражения своих восторженных чувств перед Наполеоном. А инженер Персон, славивший «святую Гору» и монтаньяров, на другой же день после падения Робеспьера ликует, что погиб «этот великий диктатор», «Роберт-Дьявол», «гильотинер», «отвратительное чудовище» и т. п. И таких, конечно, было много. С холодным расчетом они жгли сегодня то, чему поклонялись вчера, и, втаптывая в грязь свое прошлое, готовили себе спокойное будущее.

С другой стороны, не следует забывать, что поставляли песни и профессионалы-куплетисты, которые весьма мало были озабочены тем, *какие* идеи воспевают они, а гораздо больше обращали вни-

мания на то, *сколько* получат они за исполнение своих произведений. Их песни, напечатанные на листках серой бумаги, продавались на улицах и площадях, и каждое мало-мальски значительное событие давало им верный заработок, потому что уличная толпа отдавала свои последние гроши за эти песни, где возвеличивались ее герои, высмеивались ее действительные или мнимые враги, где было столько громких и патриотических фраз! Никто не спрашивал от автора, верит ли он сам в то, что воспевает, но каждый покупатель и слушатель этих песен желал лишь живого и доступного для своего понимания толкования происходящих событий, одобрения деятелям нового строя, хулы для приверженцев старого порядка и т. п. А все это можно было найти даже с большим избытком в этих куплетах, где не стесняющиеся в выражениях творцы часто подлаживались под самые низменные инстинкты толпы. Это была их профессия, их ремесло, кормившее их, поэтому неудивительно, что, как мы видели выше, Т. Руссо пришлось издавать свои песни дешевле других профессионалов. Их творчество интересно лишь с точки зрения содержания того материала, который они поставляли народной массе.

Быд, конечно, и еще один разряд певцов, — это честолюбцы. Удачно сложенная песня на патриотическую тему давала автору известность и популярность хотя бы и на короткое время. Ее могли напечатать в официальном бюллетене, разослать для поучения и исполнения по департаментам. Лавры, хотя бы и дешевые, всегда привлекательны, почему же не попытаться счастья, и вот вчерашний аптекарь или торговец шляпами, забыв на время о своем скромном ремесле, превращается в лирического поэта и с усердием, достойным лучшей участи, свирепо наворачивает дубовые строфы, в которых требует «не давать пощадья врагам отечества» или обещает наступление золотого века с воцарением царства свободы. И все это в самом «высоком штиле», совсем, как у тех одописцев, про творения которых И. И. Дмитриев сказал и как раз в это же время (1794 г.):

* Так громко, высоко, — а нет! не веселит
И сердца, так сказать, ничуть не шевелит!

Поэтому и судьба этих творений была одинакова:

И оду уж его тиснением предадут,
И в оде уж его нам ваксу продают!

Замените слово «ода» песней, результат останется тот же самый. Я позволю себе привести прошение, поданное одним из подобных певцов в Конвент в 1794 году. Феликс Ногарэ, — так звали его, —

автор разных гимнов в честь Верховного Существа и песен, желая добиться широкого распространения своих произведений, обращается с печатным воззванием к Конвенту:

«Скала справедливости, я не перестаяу зывать к тебе! Заставь же меня умолкнуть.

«Армии знают о моем героическом гимне на обратное взятие Тулона, но еще не получили его! Таким образом, постановление об этом от 27 нивоза, хотя и благоприятное мне, остается без результата. Молчание Комитета просвещения есть или забывчивость, или молчаливое неодобрение. Я стал бы апеллировать к потомству, если бы не существовали вы. Вы не допустите, чтобы талант был презрен. Я чувствую свою силу. Я требую чести, которую, как я смею думать, я заслужил. Я прошу сообщить армиям мою (песню) «Бахвальство при последнем издыхании» и «Призыв к нациям» — новое произведение, которое я послал вам.

«Конечно, если бы Комитет был менее занят, у него могла бы появиться идея вознаградить меня, выбрав меня для воспевания рождений, браков и смерти; но таков злой рок, преследующий меня: рожденный для писания, я был бы преступником, если бы я молчал, а когда я говорю, то меня не слушают».

Здесь все великолепно, начиная от стиля и кончая скромной самоуверенностью в необходимости его творений для действующих армий. Но мы, конечно, не должны забывать, что, наряду с подобными претенциозными версификаторами, было и громадное количество действительных патриотов, желавших принести свою скромную ленту на алтарь отечества. И их творения, при всех их стилистических недостатках, проникнуты глубокой верой в грядущее счастье, которое им принесет с собой свобода, проникнуты искренней ненавистью к представителям старого строя, которые столько лет держали их в подчинении и унижении. Когда крестьяне пели:

Вы больше не увидите, как фат,
Все достоинство которого
Заклучено в собаках и титуле,
Скачет по вашим полям
И опустошает ваши нивы,

то эта песня шла у них действительно из глубины души, так как все это было пережито и испытано. Или, когда парижане перед взятием Бастилии пели:

В пылу любви отдайте жизни,
Опорой будьте вы отчизне,
Мы в этот миг зарок даем
Бесстрашно встретиться с врагом—

и на другой день шли и умирали при штурме, то было ясно, что подобная песня была сложена не по заказу, а вылилась непосредственно под влиянием событий, как в свое время создались знаменитые «~~Собаки~~» Карманьола и отчасти Марсельеза.

Монархия тоже имела бардов, которым нельзя отказать в стойкости и убежденности — пример тому Андрэ Шенье. Анж Питу, уличный антиреволюционный певец, десятки раз подвергался тюремному заключению и, наконец, был отправлен в Кайенну, где и провел шесть лет. Вандейские песни проникнуты такой же глубокой ненавистью ко всем врагам короля и защитникам нового строя, как и песни революционеров по отношению к королю.

И если республиканцы пели:

Ах! пойдет, пойдет, пойдет!
Аристократов на фонарь!—

то и монархисты не оставались в долгу и в том же стиле отвечали:

Ах, пойдет, пойдет, пойдет!
Всех депутатов на веревку!

И неизвестно, кто из них раньше высказал подобные благие пожелания, исходившие, во всяком случае, от чистого сердца, так как ни первые, ни вторые пощады друг другу не давали.

Пока же страсти не дошли до своего апогея, певцы старого строя предпочитали вышучивать и высмеивать все действия и начинания представителей нового порядка. Один из них — Франсуа Маршан — не поленился даже переложить конституцию в водевили. Он так, не без ехидства, объясняет значение своего произведения: «Так как мое положение пассивного гражданина обязывает меня сделать что-нибудь для нации, то я думаю, что самое приятное, что я смогу сделать для нее, — это переложить ее конституцию в водевили. Благодаря этому она станет доступной для всех; те, кто ее никогда не читали, будут ее петь, если верно, что поют то, чего не стоит читать... И если в силу тех условий, которых не может предвидеть мудрость человеческая, французская конституция станет бесполезной работой, то мою можно будет петь, тогда как конституция Национального Собрания не найдет ни одного читателя», и т. д.

Это произведение Маршана пользовалось большим успехом и разошлось в нескольких тысячах экземпляров. Впрочем, не одна конституция, но и сама республика попала в водевили, и вообще все, что можно было вместить в куплеты, попало в них.

Где исполнялись эти песни? После всего сказанного выше, ответ ясен—езде. Всюду, где собирались люди, слышались песни, и в самый разгар Террора они распевались еще больше, чем в первые, мирные дни Революции. Пели на улицах и в салонах, на площадях и в клубах, в театрах и в армии; даже сам Конвент, как мы видели, вынужден был выслушивать патриотические куплеты, исполнявшиеся разными депутациями. Пели за работой и на празднествах, пели за братскими трапезами и отправляясь на казнь. Пели у подножия эшафота в ожидании своей очереди. Даже сам Дантон, на пути к гильотине, сложил куплет и просил палача Сансона запомнить его:

Кучка преступников
Нас отправляет на казнь;—
Вот, что нас огорчает.
Но скоро наступит момент,
И всех их повезут туда же;—
Вот, что нас утешает.

Пели, наконец, в тюрьмах, где, казалось бы, людям, измученным ожиданием решения своей участи, было совсем не до песен. И напрасно было бы думать, что заключенные сочиняли только грустные песни. Нет, их репертуар был весьма разнообразен, и в то время, как одни составляли свое завещание, в куплетах, конечно,—другие высмеивали своих тюремщиков и тюремный режим. «Веселость, говорит К. Пьерр, редко покидает француза даже в самых трагических обстоятельствах», и в этом отношении он совершенно прав.

Уличная толпа любила слушать эти песни. Так, в «Парижской Хронике» под датой 18 мая 1790 г. мы читаем:

«На улицах поются песни, понятные народу и составленные в духе Революции. Случай привел нас услышать некоторые из них с удачно составленными куплетами... Все эти куплеты выслушивались народом с большим удовольствием так же, как и восхваление короля, благоразумного Лафайета, доброго Балли и Национального Собрания, и мы с удовольствием видели, что этот род увеселения, столь часто применявшийся старой полицией для развлечения или для ослепления народа, получил похвальное назначение и служит полезной цели—просвещению народа и предохранению его от воздействия суеверия и фанатизма». Или в той же самой газете от 17 февр. 1792 г. говорится: «Я проходил вчера вечером по Меналь-ному мосту и увидел на подмостках человека, окруженного большой толпой зрителей всякого возраста и пола; это был музыкант Бельроз, который каждый вечер даром развлекает публику игрою на скрипке, причем он недурно поет знакомые песенки и патриотиче-

ские куплеты». Конечно, не все куплетисты были столь великодушны, и петь свои произведения даром не входило в их расчеты. Повидимому, они собирали порядочные деньги за свой труд, так что Мерсье в своей известной книге «Новый Париж» считает нужным протестовать против эксплуатации народного патриотизма уличными певцами. «Певцы на набережных,—говорит он,—продолжают взимать дань с кошельков парижан. Народ, который всегда до глупости полон идолопоклонства и энтузиазма, слушает, как режут сиплым или пронзительным голосом про дорогие ему имена Балли и Лафайета, и тогда он не может не порыться в своем кармане и не пожертвовать двух су, чтобы приобрести плоскую рапсодию, содержащую самые пошлые и самые смешные восхваления двух наиболее значительных личностей столицы».

В важных случаях само правительство прибегало к песне, чтобы при посредстве ее вдохнуть бодрость и мужество в сердца граждан. Так было, напр., в момент объявления «отечества в опасности», в дни 22 и 23 июля 1792 года. «Молодых граждан,—говорит Шалламель,—приглашали записываться в солдаты, чтобы принять участие в защите французской территории. Были воздвигнуты амфитеатры на главных площадях и особенно на площади Невского моста. Там, под открытым небом и при рукоплесканиях огромной толпы, каждый волонтер вписывал свое имя... Во время записи имен играла музыка, и толпа в унисон пела наиболее ходячие песни; таким образом, на восьмой и последний день этого торжества, народ, оныйненный самым горячим патриотизмом, следовал за молодыми новобранцами за парижские заставы, распевая эти воинственные песни, вплоть до таких песен, которые раньше ему были почти неизвестны».

И без этих песен не обходилось ни одно торжественное празднество, будь это праздник Федерации или праздник в честь Верховного Существа. Всегда исполнялись гимны, специально сложенные для торжества, причем в исполнении их принимало участие огромное количество певцов и музыкантов, чтобы сильнее подействовать на воображение и чувство зрителей. А Марсельеза, ставшая национальным гимном, исполнялась при всякого рода церемониях. Впрочем, в некоторых случаях, правительство пользовалось и уличными певцами для проведения своих идей. Так, в 1795 г. во время борьбы с лицами, занимавшимися ажиотажем, был выпущен целый ряд уличных певцов, которые, по поручению правительства, призывали на голову этих лиц народное негодование.

Театральные подмостки, служившие во времена Революции трибуной для проведения патриотических идей, не избежали общей участи и стали одним из любимых мест для исполнения песен, причем публика не оставалась безучастной, и сама заставляла акте-

ров исполнять те или иные куплеты и пела их вместе с ними. Ж. Пьерр указывает, что это нововведение началось, повидимому, с Марсельезы в 1792 г., а к концу 1793 г. это явление стало обычным. «Эти песни,—говорит он,—были сначала патриотическими или гражданскими; они касались внешней войны или волонтеров первого набора, они возбуждали умы против королей, объединившихся в союз, или изменников, или прославляли Гору и воздавали хвалу французам; другие нападали на фанатизм и атеизм, возглашали уничтожение рабства, славили память отдельных граждан, Ж.-Ж. Руссо» и т. д.

В 94 г. был обычай сообщать публике при посредстве куплетов, исполняемых актерами, о победах республиканских войск. Вот, напр., описание одного из подобных событий:

«Открытие театра Равенства совершилось с большим блеском. Зала была более чем полна... Но то, что сделало из этого открытия настоящий общественный праздник,—это было счастливое известие о взятии Шарлеруа. Оно было сообщено народу актером, который спел следующий импровизированный куплет: «Каждое мгновение приносит новую удачу. Да, республиканцы-французы летят от победы к победе. Вместе с вами я спою про одну из них, которая вводит нас в Бельгию. Эйперн и Шарлеруа—наши. Да здравствует навсегда...!»

Все зрители подобрали рифму (Республика) и вместе закончили куплет; энтузиазм был высочайший; шляпы и платки летали вверх, и припев: Да здравствует навсегда Республика!—был тысячекратно повторен общим хором».

И такого рода манифестации происходили неоднократно, и публика в театрах постоянно требовала исполнения тех или иных патриотических песен. Когда же в 95 году появился гимн «Пробуждение народа», полный самых резких и беспощадных нападок на террористов, то в театрах происходили драки, переходившие даже в кровопролитные столкновения между патриотами, требовавшими исполнения Марсельезы, и антитеррористами, распевавшими новый гимн. Правительству пришлось вмешаться и категорически запретить исполнение в театрах «человеко-убийственного» гимна «Пробуждение народа», но сторонники его продолжали вызывать беспорядки, освидетельствуя Марсельезу, «Походную песню» Ж. Шенье и другие патриотические произведения, так что не раз вызывали вмешательство полиции, которая и производила аресты. Только в 98 г. это возбуждение улеглось, но тогда уже патриотические песни встречались публикой довольно равнодушно.

Великая французская революция в песнях современников.

1.

Наши оковы разбиты,
И разорвана
Рабская цепь!
Братья, мы победили!
Наши оковы разбиты.

Из крестьянской песни 1789 г.

1789 год—это первый акт той драмы, которая известна в истории под именем Великой французской революции. Представление уже началось, интрига уже завязалась, все артисты и статисты на своих местах. Но страх и ненависть одних, надежды и ожидания других, злоба и ярость третьих не дошли еще до своего апогея, не приняли еще тех грандиозных форм, которыми так поражают нас 93 и 94 годы. Страсти еще только назревают, вслыхивая время от времени грозными зарницами в июльские или октябрьские дни, но они не пылают еще ярким пламенем в пожаре террора, да и сами люди не превратились еще в сверхчеловеков, гигантов, одновременно выдерживающих нападение чуть ли не всей Европы и в то же время не останавливаясь ни перед какими жертвами, разрушающих старые устои во имя новых кумиров—Свободы, Равенства и Братства. Пока это еще самые обыкновенные люди, верящие добрым чувствам и намерениям своего короля, возлагающие надежды на его «искреннее» желание помочь страдающему народу. Правда, им случается увлечься и, например, как бы нечаянно взять Бастилию, но и этот акт они торопятся скрепить королевским одобрением. Они еще не порвали окончательно с прошлым, и будущее рисуется им «золотым веком», куда они смогут попасть благодаря королю и его ближайшим сотрудникам.

И песни 89 года, за немногими исключениями вышедшие из демократических кругов, прекрасно отражают настроения этих простых людей, так много ожидающих от своего короля и его министров и

от Генеральных Штатов и своих депутатов. В этих песнях мы найдем и историческое изложение развертывающихся событий, и перечисление народных нужд и требований, и рассуждения на злободневные темы, и восхваление короля и народных любимцев, хулу на королеву и придворную камарилью, и крики мести и ненависти по адресу народных врагов,—словом, мы найдем в них отражение всего, что так или иначе волновало общественное мнение и что сможет помочь яснейшим образом событиям этого года. Не будет в них только того экстаза безумия, которыми отмечены песни эпохи террора, и ни одна из них не сможет с этой точки зрения сравняться хотя бы с таким произведением, как «Моление гильотине»:

Святая гильотина, защитница патриотов, защити нас!
Святая гильотина, ужас аристократов, защити нас!
Машина любезная, сжался над нами!
Машина изумительная, сжался над нами!
Святая гильотина, от наших врагов избавь нас!

Нет, до такого ужаса людям еще далеко, до такого озверения они дойдут или, вернее, их доведут еще не скоро. Пока—в их песнях чаще встречаются слова «любовь к монарху», чем «смерть тиранам», пока—они не пережили еще полосы измен и предательства, и бодро звучат их песни гордым сознанием силы нового деятеля в мировой драме, буржуазии, или, как его звали тогда, третьего сословия.

К этим песням мы теперь и переходим и в дальнейшем изложении будем держаться по возможности ближе к их тексту, излагая и освещая события так, как они изображаются и освещаются самими песнями.

В одном из памфлетов 1789 года говорилось буквально следующее: «Государь, позаботьтесь об этом бедном народе; его нужды неотложны и многочисленны, он изнемогает под тяжестью ищеты и налогов. О, мой король! не суди о твоём королевстве по блеску твоих столиц, взгляни на печальные деревни, переполненные людьми несчастными, истощенными, покрытыми рубищами, на коленях просящими милостыни у проезжего, бессильного облегчить столько несчастий,—и будь уверен, что тебя обманывают, когда тебе рисуют иные картины на твоих совещаниях, или показывают их во время твоих путешествий».

Это говорилось по адресу Людовика XVI. А ведь сравнительно недавно еще, в 1774 году, при вступлении его на престол, к нему обращались с другими словами. Тогда он наследовал трон Людовика XV, государя, наградившего Францию, по словам одной сатирической

эпитафии, войной, чумой и голодом, тогда он был молод и, как все молодые монархи, считался либералом. Тогда о нем говорили:

О, наконец, мы можем ожидать,
Что скоро курица нам будет на обед:
Она обещана уж целых двести лет
И до сих пор ее старались ощипать.

Ведь уж в то время страна была разорена, голодовки стали хроническим явлением, в государственной казне не было денег, народ волновался и общество роптало. Ведь были приняты меры для выхода из этого тяжелого положения, был призван на пост генерального контролера финансов честный Тюрго, были восстановлены парламенты, уничтоженные в 1771 году, предположен целый ряд либеральных мероприятий. Что же случилось? Отчего так и не пошла в суп каждого француза знаменитая курица Генриха IV?

Случилось то, что правительственный либерализм столкнулся со сплоченной оппозицией тех лиц, кому были невыгодны предложенные реформы, вроде свободы хлебной торговли, отмены натуральной повинности и т. п. Случилось то, что дворянство, духовенство и двор с Марией Антуанеттой во главе ополчились на Тюрго, которого винили в семи смертных грехах, даже в голоде, поразившем Францию в 1774 году. Он не выдержал этого дружного нападения и вместе со своим помощником Мальзербом в мае 1776 года подал в отставку. Сатира так охарактеризовала это событие:

Порядочных людей
В Версале было двое,
Два разом, редкая находка, ей же ей!
Все были полны восхищенья,
Но каждый негодяй боится наблюденья
За собою.
И вот парламентский продажный сброд,
Поповские плуты, лакей богачей,
Так дружно двинулись в поход,
Что вызвали уход
Двоих порядочных людей.

После Тюрго финансами государства заведует ряд лиц, но все они не долго удерживаются на своем посту, так что песня острит: «Во Франции министров меняют, как носки». Дела, между тем, настолько запутаны, дефицит настолько велик, что, по совету министра Калонна, правительство решается, «для обсуждения мер к облегчению народа, утверждению порядка в финансах и устранению кое-каких злоупотреблений», созвать нотаблей, которые в числе 144 человек

собрались в январе 1787 года. Этим знатным и титулованным представителям Франции Калонн на заседании в Версале сообщил, что государственная казна совершенно истощена и что дефицит громаден, и с ним надо бороться не случайными мерами в роде экономии или займов, а уничтожением денежных привилегий, новой программой налогов и т. п. Всего яснее было, что у правительства не было денег и оно желает получить их. Песня так и высмеяла это желание в одном из «попурри», посвященном собранию нотаблей:

Граф Артуа (обращаясь к нотаблям):

«Довольно прений, господа.
Король, мой брат,
Своих решений никогда
Не пожелает взять назад.
Достать нам надо денег. Как?
Мне все равно, хоть так иль так,
Лишь был бы ими наделен
Наш друг Калонн».

А народ в этом же «попурри» на все тирады Калонна мог ответить только одно:

«Вот так плут!
Новых налогов им дай!
Супу, как видно, мы скажем «прощай!»
Курицы нам не дадут
Да и рубашку возьмут».

Калонну пришлось уйти в отставку, его заместитель Ломени-де-Бриенн пытался идти по его стопам, однако нотабли объявили себя некомпетентными в установлении новых налогов и были распущены. В обществе шли разговоры о необходимости созыва Генеральных Штатов в виду тяжелого положения государства. И либералам того времени, ставшим еще более либеральными после северо-американской войны за независимость, эти Генеральные Штаты стали уже казаться панацеей от всех зол, и ими прикрывались при всяком удобном случае. Поэтому, когда правительству понадобилось провести, или, как говорили тогда, зарегистрировать некоторые из своих эдиктов в парламенте, последний воспротивился введению новых налогов, указывая, что для этого необходим созыв Генеральных Штатов. Между правительством и парламентом завязалась борьба, приведшая к тому, что в мае 1788 года, после отказа парламента зарегистрировать пять займов на 420 миллионов, парламент был закрыт, а два видных члена его были арестованы. Возмущение общества этим актом нашло

свое отражение в так-называемых «Стансах» или «Размышлениях одного патриота», где в «высоком штиле» изложены республиканские и чисто революционные взгляды. Автор этого произведения прославляет любовь к отечеству, породившую Брутов и низвергавшую тиранов с их престолов. «И хотя мы, — говорит он, — читаем эти исторические факты, но на практике мы им не следуем, а барахтаемся в рабстве, забыв о своем достоинстве». И он обращается к небу и просит его поразить громом «Мессалину», т.-е. Марию Антуанетту, и далее говорит:

О, если б этот же небесный гром
На нас простер свои благоденья
И ниспроверг и обратил бы в прах
Винниковов всех этих злодеяний,
Чтоб подлый и тупой ее супруг
И их бесчестные министры
Могли своим паденьем доказать,
Что мститель есть и мщенье быстро!

А в заключение он советует быть такими же стойкими, как арестованные нотабли, потому что государство образуется «нами одними» и без «нас» все «их» величие и блеск являются лишь гордой мишурой. Таким языком с правительством говорили только в самый разгар революции...

Полное отсутствие денег и все растущее брожение общественных кругов вынудили правительство на уступки: Бриенн и его ближайший сотрудник Ламуаньон получили отставку, вызвавшую ликование всего передового общества. Куплеты пели:

Короля обманутого мудрость просветилась,
Власть творцов насилия разом прекратилась,
Всех их наши крики всылку провожают,
И народ разгневанный презреньем их пятнает...

и т. д. о том, что «теперь свободная нация обращает вновь к своему королю удовлетворенные взгляды».

В порядке дня стояли Неккер и Генеральные Штаты. Большинство передового общества встретило ликованием весть о возвращении к власти Неккера, так как оно означало неизбежный созыв Генеральных Штатов. Эта радость отразилась в песне с характерным заглавием «Воскресение Генеральных Штатов», каждый куплет которой сопровождается ликующим припевом «Аллилуйя!!!».

«Возрадуйтесь, братья и сестры, — говорит она, — небо больше не глухо к вашим молитвам, благодаря счастливому обороту дел: Калонн бежит, как вор, теряя и свое место и расположение к себе,

а Бриени, не способный управлять, ушел реветь далеко от нас.
«Аллилуйя!»

Теперь можно мечтать и о свободе:

«Приди, бесценная свобода,
И человечеству верни
Людей, дав равенства законы.

Аллилуйя!

Твой голос разобьет оковы,
Всех деспотов он поразит,
И мир тебя благословит.

Аллилуйя!

Для человечества настанут счастливые времена, и «воскресший золотой век будет представлен Людовику как создание его доброты». И всем этим обязаны мудрости Неккера, с появлением которого—

Все приняло цветущий вид,
У государства есть кредит,
Горит надежда, страх бежит.

Аллилуйя!

Потому что Неккер—это «второй Сюлли (сподвижник Генриха IV-го), хороший, полный усердия министр. Он обласкал великим королем и всех подданных его делает ему верными».

Правда, у Неккера есть завистники и ненавистники, но с ними не приходится особенно считаться:

А вам, завистливая рать,
Вольно ругаться и кричать:
Неккер нам сможет счастье дать.

Аллилуйя!

Ибо «его стараниями выборы (в Генеральные Штаты) возродят нацию, которую держали в подчинении, а дворцовый барометр, ставший без возврата на хорошей погоде, не будет колебаться каждый день».

И при содействии Неккера:

На три сословия разбившись
И доблестью руководясь,
Французы выведут обман.

Аллилуйя!

Это до такой степени ясно и очевидно, что можно уже воспеть равенство всех:

Ну, наконец, мы все равны,
Об этом быть не может спора,

Мы будем есть куриный суп,
Вот как при Генрихе Четвертом.
Людовик наш—король прекрасный,
Его законам мы подвластны.

И следует также благодарить монарха, «достойный отпрыск Генриха», самое имя его должно быть благословенно. Теперь остается только, чтобы все три сословия соединились на общей задаче, ибо «три сословия, соединившись, составят счастье Франции, в тени цветов лилий (герба кор-ля) мы увидим рождение любви».

Но это последнее было, повидимому, не так-то легко. Дело в том, что если с вопросом о необходимости созыва Генеральных Штатов были согласны все сословия, то не все они одинаково разрешали вопрос, как должны быть они созваны, и Неккер с первых же дней нагнулся на оппозицию своим начинаниям. И его противники оказались на этот раз в тех рядах, где раньше была оппозиция, требовавшая созыва Генеральных Штатов. Так, парижский парламент высказался за их созыв по «старой форме», т.е. по образцу 1614-го года, с голосованием по сословиям и с преобладанием дворянства и духовенства над третьим сословием. И старые либералы-нотабли, специально собранные Неккером для разрешения вопроса о созыве Генеральных Штатов, также не могли стать выше своих сословных привилегий и высказались против удвоения числа депутатов от третьего сословия. Все они разом потеряли свою былую популярность, и песня («Размышления нотаблей центрального рынка»), написанная в крепко народном стиле, резко заклемила их, отметив, что там, где дело идет о действительных интересах народа, представители знати только оберегают свои карманы:

Э, знатным, то не хочется платить,
Всю Францию они ведь разорили.
И ндо здорово работать и потеть,
Чтоб их сиятельства успели потолстеть.
Я хлеб старалась им добыть,
А нас они же голодом морили,—

говорит в этой песне торговка из центрального рынка. Однако, удивляться этому не приходится, потому что «это дворянство и это духовенство составляют как бы одно целое и действуют вместе. Но у них все так хорошо устроено, что когда им выгодно, они превращаются в двоих, так как это удваивает их «средства»: известно ведь, что у двух тел четыре руки». «А может быть, они еще и потому не хотят третьего сословия, что оно является опорой трона», высказывает своеобразную догадку песня, и в заключение прославляет

Неккера, «честного и мудрого иностранца, который подобно столпу поддерживает государство и, претворяя зло в добро, ничего не берет за свой труд».

Д сталося и пяти титулованным представителям аристократии (Граф д'Артуа, принц Кондэ и др.), поднесшим королю «мемуар», в котором они указывали на опасность предоставления третьему сословию слишком большого представительства в Генеральных Штатах. Против них была составлена следующая эпитафия:

Сиятельный пяток

Теряет вместе с честью

Любовь и уважение французоз навсегда.

Ему ж останутся: лакеи с низкой лестью,

Конюшни, егеря, собак смычки

И подданных свистки.

Однако, роль этих последних могикан старого порядка временно была кончена. В декабре 1788-го года Неккер на заседании королевского совета прочел доклад, в котором категорически высказался за необходимость двойного представительства для третьего сословия. Предложение это было принято. Песня отозвалась на это событие «Историей XVIII-го века, подлинной, аллегорической и достопримечательной». В ней под видом разных растений были выведены все сословия, король, Неккер и пр.

Белючий шип чертополоха ¹⁾

Нас колет уже с давних дней,

Репья ²⁾ ученье очень плохо,

Пригодно только для детей,—

Сказал так клевер ³⁾ без стеснения,—

Все это надо изменить,

Ареопаг ⁴⁾ без промедленья

Сзовем, чтоб делу пособить.

Но так как этот «ареопаг» не сумел ни до чего договориться, то:

Совет у лилии ⁵⁾ спросил,

Сначала в гнев пришла она,

Но, за собой не видя силы,

На все согласие дать должна.

И все цветы и все растенья

Собралися среди лужка,

И каждый высказал стремленье

Пофилософствовать слегка.

¹⁾ Дворянство; ²⁾ духовенство; ³⁾ клевер-трилистник = 3-е сословие; ⁴⁾ парламент; ⁵⁾ король.

Результатом этого философствования и была речь, возвеличившая клевер, т.-е. речь Неккера о третьем сословии. «Подождем же, какой эффект произведут дикие травы», т.-е. Генеральные Штаты, говорится в заключении этой песни.

Начиналась новая полоса французской истории.

II.

В январе 1789-го года королевский указ предписал начать первичные выборы и готовить «списки (наказы) жалоб и нужд». И что же мы видим? Одни выражают свою радость, что соберутся Генеральные Штаты и прекратят народные страдания: «Наковец-то,— говорится в одной песне,— наши Генеральные Штаты хотят покончить с нашими страданиями и установить царство справедливости, которой мы пылко желаем. Господь-благодетель, возвещая нам это счастье. будь к нам милостив, установи мир между нами твоей благодатью, Возврати нам счастье».

Другие просто шлют свои приветствия депутатам:

С восторгом, депутаты Франции, сбегайтесь,

Сбегайтесь живей,

И по указу короля стекайтесь

Сюда скорей.

Три партии представят государство

В великий этот день

Все вместе нам они покажут

Сердечную любовь.

Третьи славят короля:

Король, любимый мной и чтимый,

Когда бы песнь моя дошла к тебе,

Ты знал бы, что от искреннего сердца

Я добродетели твоей рукоплещу.

Ты словно солнце озаряешь

Лучами доброты своей

Народ и все твое семейство

В столь долго ожидавшийся момент.

Большинство же занято изложением своих жалоб и нужд. И так много этих жалоб. Так тяжелы эти нужды. И, как на зло, после летней засухи, выдалась на редкость суровая зима, и народ страдает не только от голода, но и от холода. Не даром же песня говорит королю, что «он знает, как пришлось страдать всю эту долгую и

тягостную зиму». И в то же время всюду царит недовольство, еще более подогреваемое избирательной кампанией, где сталкиваются противоположные интересы, где старые привилегированные сословия стараются воздействовать на третье сословие, чтобы оно не касалось их привилегий.

Народные нужды нашли свое отражение во всевозможных песнях-наказах, постановлениях, плачах и заповедях, вполне определенно и достаточно ярко и отчетливо характеризующих настроение той среды, из которой они вышли. Требования, встречающиеся в этих песнях-наказах, крайне разнообразны и иногда довольно неожиданны и курьезны. Но все же главное место в них занимают требования политические и экономические, причем первые почти во всех песнях занимают первое место.

Характерны также самые обращения их:

О, наш король, наш друг и наш отец,
Коль правда то, что сердцем гражданина
Причины наших бед узнать ты хочешь,
То вот желанья всех порядочных людей,

Так начинается песня «Список (наказ) желаний и нужд всех порядочных людей округа д'Аваль» в Бургундии.

Или, напр., моление такого рода:

Государь, сжальтесь над нами,
Государь, выслушайте нас,
Государь, услышите нас.
Король, исполненный доброты,
Король, полный милости,
Король, полный справедливости,
Король, полный человечности,
Король, друг мира, законов, порядка, правды, —
Сжальтесь над нами.
Во имя вашей августейшей супруги,
Во имя ваших детей,
Во имя любви, которую мы вам приносим,
Сжальтесь над нами.
Вы, ненавидящий тиранию,
Вы, ненавидящий лесть,
Вы, устоявший перед соблазном,
Вы, оставшийся твердым в своем решении,
Сжальтесь над нами.

И далее следуют всякого рода пожелания и требования. К ним мы теперь и обратимся.

Что нужно? Прежде всего нужно равное представительство для всех сословий:

Священники, епископы и непорочный клир,
И славные потомки рыцарей отважных
Должны по своему числу равняться
Числу избранных простонародья.

Требование вполне ясное, находящее отзвук и в другом наказе: «Мы,—тело нации,—просим вас о том, чтобы третье сословие было, наконец, восстановлено в своих вечных правах, о том, чтобы Генеральные Штаты соответствовали замыслам короля и ожиданию Франции».

Но что такое право целого класса или сословия, если бесправны отдельные его члены. Поэтому необходимо обеспечить неприкосновенность личности гражданина:

Все граждане свободны по природе,
Должны лишь пред жезлом законов трепетать,
Сажать в тюрьму без всякой процедуры,
Хотя б Ленгэ,—преступно королям.

Этот пункт был направлен специально против так-называемых «Lettres de cachet» (приказов об арестах), позволявших королю без всякого суда и следствия сажать в тюрьму неугодных ему лиц. Другие песни-наказы тоже говорят: «От злоупотребления Lettres de cachet избавьте нас, государь» или «Надо отправить ко всем чертям Lettres de cachet». Впрочем, одна из песен допускает их, но только вводит своеобразное ограничение: «Lettres de cachet должны быть уничтожены для всех—говорит она,—но нужно исключить тех, кто не имеет врагов или состояния, внушающего зависть, или молодой и красивой жены». Подобные ограничения показывают, насколько были иногда «серьезны» мотивы заключения человека в тюрьму. Необходимо далее предоставить всем свободу печати и свободу слова, ибо «свобода печати порождает гениев»:

Кто мыслит, тот писать имеет право,
Свобода полная на этот счет,
Писатель—все сказать имеет право
И осудить Калонна наглеца.

Другая песня просит более мягко: «Соблаговолите дать нам свободу печати, государь». Но большинство выражается гораздо решительнее: «В ожидании, что сделают депутаты, надо, чтобы все, кто умеет писать, могли печатать хорошие речи» или «Следует также разрешить писать обо всем, что на ум придет. Это было бы

в высшей степени необходимо, причинить же неприятности это может только негодяям. Результаты получились бы очень хорошие, так как люди знали бы все».

Крайне существенным является также требование равенства всех перед законом и одинакового суда—суда присяжных—для всех граждан:

Убийственный вердикт невинной скромной жертве,
С цепями на руках, протянутых с мольбой,
Судья надменный не прочтет, когда французы
Судиться равными своими будут.

Характерным дополнением к этому пожеланию, ярко рисующим всю прелесть дореволюционного судопроизводства, является следующее требование:

От деспотизма и от спеси ваших судебных чинов
Избавьте нас, государь!
От продолжительности процедуры,
От невежества судей,
От лени докладчиков,
От лихоимства секретарей,
От дороговизны подарков судьям,
От всякого грабежа в суде,
От безнаказанности верховных судей,
От воровства мелких судейских чинов
Избавьте нас, государь!

«Мы просим вас о том, чтобы суды занимались только разбором процессов и чтобы они судили по закону, а не по своему капризу».

Те же пожелания читаем мы и в других песнях:

«Мы полагаем без всяких шуток, что крайне необходимо реформировать всю юстицию. Самый сложный процесс не должен бы длиться более года»—последнее пожелание не осуществлено и в наше время. Или:—«уголовный кодекс должен быть выработан согласно законам Фемиды, судопроизводство должно быть менее дорогим и более скорым, адвокаты не должны быть болтунами, а прокуроры—разбойниками». Картина, хотя и шуточная, но не лишенная правдоподобия.

В связи с реформой всего судопроизводства выставляется также требование отмены ролевой ответственности, когда за преступление платился не только сам преступник, но и его родичи:

«По отношению к преступнику будем подражать соседям бретонцев (т.-е. англичанам). Разве необходимо, чтобы скверный повеса

позорил честных родителей. Пусть повешенный является единственным лицом, страдающим от этого дела» и «за вину брата пусть даже брату не придется краснеть».

Требуют песни и уничтожения сословий: «Воспользуемся, наконец,—говорит одна из них,—нашим разумом и не будем делать сословных различий. Это крайне необходимый пункт: у всех нас по одному отцу, у нас один король; все мы вышли из одного места, к чему же все эти различные права?» Или еще: «Эта знать, чорт подери, совсем созрела, надо как-нибудь утречком стряхнуть ее с дерева. Будем считать знатным честного человека с добрым сердцем. Но это достоинство должно кончатся с тем, кто его носит, т.-е. не быть наследственным».

Естественно, что при такой точке зрения и все должности должны быть доступны для всех:

Когда достойный человек стремится к славе,
Препятствий гнусных не должно ему чинить,
Талангу пусть победа достается,
Ведь предков не имели ни Фабер, ни Роз.

Или такое пожелание:

Пусть, на должности избирают дворян наравне с
буржуа, а их
Из тех, конечно, будут брать
Кто может лучше рассуждать,

Кто является честным человеком, а не наглецом.

Эта доступность должностей для всех влечет за собой и ответственность чиновников и министров уже не перед королем, а перед народом:

Интриги, лицемерие и хитрость
Министра создадут и завтра же сместят;
Нет, пусть он пред народом-сувереном
Свой даст отчет, был честен он или нет,—

говорится в одной песне, а другая, более резкая, добавляет:

Коль хорошо себя держали,
Их надо будет наградить,
Но если нас поднадували,
Их должно удавить.

Таким образом ряд политических требований завершается открытым требованием конституции и провозглашением суверенных прав народа.

Однако, отдавая первое место реформам политическим, песни крайне интересуются и реформами социально-экономического порядка и в первую очередь они требуют уравнения всех сословий в платежах налогов, уничтожения привилегий отдельных сословий при этих платежах и правильного распределения самых налогов:

Монарху, своему защитнику, пусть вносит
Налоги каждый и пред ними все равны,
Пусть слово «привилегия» исчезнет,
Иначе нет для Франции спасенья.

Налог единым должен быть для *всех* сословий,
Пусть платит дворянин, священник, буржуа,
Народ то правильным находит и забавным,
Хоть и вопят придворные опекуны.

Те же пожелания читаем мы и в других песнях:

Все рассмотрев и обо всем посоветавшись,
Я только справедливости прошу,—
Поверить этому легко,
И я хочу, чтоб наши Штаты
Распределили поровну налоги.

«Разве,—добавляет песня,—третье сословие больше собака, чем другие (т.-е. хуже других), чтобы выносить на себе всю тяжесть налогов?»

Еще одна, тоже очень грубая жаргонная песня в основу всех реформ кладет необходимость изменения налоговой системы:

С налогов надобно начать,
Давно пора их обкарнать,—

говорит она, но все же рекомендует приступать к делу с осторожностью: «Сейчас их следует возобновить, но только в виде временной меры, чтобы дать себе время яснее ознакомиться с вопросом»

Затем их надо разложить
На спины всех, чтоб все платили.

«Вот как надо действовать,—добавляет она,—чтобы было хорошо сделано. Это касается, конечно, тех, кто имеет средства. Ибо мы, как добрые христиане, думаем, что с тех, кто не имеет имущества, нельзя ничего и требовать».

Добиваются песни и понижения налогов на предметы первой необходимости:

Хочу я также, чтоб смягчили
На соль и на вино налоги,—

овернется в песне демократической, но даже и в песне, вышедшей из совсем другого круга, высказывается та же мысль:

Вот мой совет:

Налоги можно повышать
На всякий роскоши предмет,
На все ж полезное—смягчать.
Должны мы, как рассадник бед,
Подальше лотерею гнать,
Вот мой совет.

Очевидно, эта лотерея была сущим бичом для населения, так как мы встречаем следующее моление:

От адской выдумки соляного налога,
От неравномерного распределения налогов
И от безбожной королевской *лотереи*
Избавьте нас, государи!

Но так как было вполне ясно и очевидно, что все эти пожелания могут быть достигнуты только тогда, когда будут ликвидированы все пережитки крепостнически-феодалных отношений, когда будут уничтожены сеньюральные права и преимущества, то и песня требует этого:

Пусть звонким серебром уплатят за права,
Которые родились ночью феодальной,
И робкому вассалу больше не придется
Платить сеньору за «одно» из прав⁴⁾.
Юра высокая, долины и равнины
Французов больше в рабстве не найдут,
Должны разбиться цепи крепостного права,
Его ужасный кодекс осудил король.

Другие песни детализируют эти права сеньоров и желания лиц, находящихся в зависимости от них:

«Что же касается господ дворян, то мы больше не хотим возделывать для них землю»:

Довольно нам пришлось терпеть,
Мы больше не хотим на барщине сидеть,
Пусть работнику за труд
Деньгами плату отдадут.

⁴⁾ Право первой ночи.

Особенно характерно следующее перечисление:

От устава об охоте,
 От феодальных печей и виноградных тисков,
 От мельниц, где мы обязаны молоть,
 От барщины и податей,
 От пошлыны и питейного сбора
 От дорожной пошлыны и препятствий торговле
 Избавьте нас, государи!

Причем положение об охоте песни разъясняет так:

«Мы слышим, что крестьянин кричит целыми днями, спугивая дичь. Мы думаем, что это должно быть разрешено ему. Каждый из них также должен иметь право убивать эту дичь, за исключением дичи королевской». И другая песня добавляет: «Мы просим вас, государь, о том, чтобы дичь дворян не опустошала больше наших владений, и о том, чтобы не посылали больше на галеры тех, кто убивает эту дичь».

Просят песни также и о том, «чтобы знатные отказались от мало почетных титулов феодальных мельников, булочников и прессовщиков, чтобы дворянство не жирело больше от нашей (т.-е. третьего сословия) крови и чтобы земледельцы собирали в мире плоды пота своего».

Библейски просто намечает песня проект борьбы с неурожаями и голодовками населения:

Чтоб хлеба было нам довольно
 И много было бы зерна
 И изобилие вина,
 Нам склады выстроить должны
 И их набить полным-полны.

«А излишние остатки, с которыми нам делать нечего, можно продавать соседям».

Решение недурное, особенно, если принять во внимание серьезность разрешаемого вопроса. Не менее просто разрешается вопрос и о самых скупщиках хлеба, всевозможных монополистах и финансистах: «Что касается этих негодяев монополистов, которые для нас хуже чем воры, пусть не замедлят отделаться от них. Они нас заставляют умирать с голода, так надо их заставить забыть о вкусе хлеба. Людям этого рода совсем не надо давать пощады... Вместе с фермерами отправим на дно реки интендантов и откупщиков», говорится в одной песне, а другая добавляет: «анафема всем мошенникам, на виселицу обогатившихся монополистов, доводящих до крайности голодовки, туда же лиц, занимающихся ажиотажем» и т. п. пожелания встречаются и в других песнях.

Таковы наиболее существенные требования и пожелания, чаще других встречающиеся в песнях-наказах и наиболее подробно изложенные в них. Но есть много других пожеланий, намечаемых то одной, то другой песней, которым, очевидно, не придавалось столь важного значения, как перечисленным выше требованиям.

Некоторые песни, например, требуют уничтожения монастырей и установления браков духовенства: «Мы находим необходимым,— говорится в одной песне, уничтожить монастыри, которые питают столько бездельников; эти последние, повенчавшись, будут иметь детей, отцы которых, по крайней мере, будут известны».

В этой же песне говорится о необходимости уничтожения рабства: «Не следует больше покупать людей (негров), чтобы ими обрабатывать землю. Разве есть что-либо бесчеловечнее торговли своим ближним, обращения с ним хуже, чем с собакой, когда заставляют его умирать с голода? Разве эти несчастные не наши братья?»

Встречается и горячая защита собственности: «Всякая собственность священна, всякая—от дворца и до бедного убежища. И большим почетом должна пользоваться самая маленькая собственность», но это пожелание единично и исходит от очень умеренного маркиза де-Фюльви (такова, по крайней мере, подпись под этой песней), того самого, который очень боится своевольства:

Вот мой совет:
 Чин чина должен почитать,
 Один велик, другой же нет,
 Закон всем должно исполнять.
 Вне этих рамок хаос бед
 От своевольства можно ждать.
 Вот мой совет.

И этот же самый маркиз боится не только своевольства, но и пагубного влияния книжных теорий:

Вот мой совет:
 Мы в руководство не возьмем
 Того, что создано пером
 Умов больших и тонких. Нет!
 Их хитрой логике в ответ
 Да будет долг нам вожакон!
 Вот мой совет.

Очевидно, этот «долг» внушил ему идею стоять за охрану частной собственности. Но подобных умеренных пожеланий мы

встречаем очень немного. Простонародная песня ставит все вопросы резко и прямо:

Еще хочу, чтоб воровство
Министров наших прекратили,
Поверить этому легко.
Я знал таких, чьи содержанки
Желали наших денег полны руки.

И далее песня предлагает своеобразную меру для поучения министров:

Портрет Неккера надлежало
Показывать бы всем министрам,
Им это говорило бы без слов—
«Вот тот, с кого вас выленить должно!»

Трудно, кажется, требовать большей ясности и определенности. Эта же песня в заключение высказывается так:

Я, наконец, хочу, чтобы повсюду
Свободы имя повторилось.

Хотя французы и верноподданные, но они не созданы для рабства. Поэтому необходимо уничтожить Бастилию. Я не могу пройти мимо нее, чтобы не выругаться, как язычник»; как мы видим, пожелание разрушения Бастилии высказано еще задолго до 14-го июля.

Наконец, для полноты картины отметим, что есть пожелания об усыновлении старыми холостяками детей, о допущении развода, о прекращении сборов в пользу папского престола, о более правильном распределении денег между высшим и низшим духовенством, о необходимости дать населению право носить оружие и т. д. и т. д.

В своем заключении одна из песен говорит: «Мы долго жили в нищете и были почти готовы умереть в наших жалких лачугах, но наш добрый отец Людовик, чтобы избавить нас от всех наших бед, созывает Генеральные Штаты». Другая же песня кончает трогательной молитвой, обращенной к Неккеру и Людовику:

Неккер, Неккер, вы надежда Франции, помогите нам!
Неккер, Неккер, вы поддерживаете престиж Франции, будьте
к нам благосклонны!
Неккер, Неккер, вы исцеляете несчастья Франции, не теряйте
бодрости!
Государь, выслушайте нас, и пусть наши вопли дойдут до вас!

Таковы эти «наказы». Из приведенных образцов ясно, что песни эти заключали в себе множество тех требований, которые вошли в настоящие указы, и они лишней раз подтверждают, насколько все классы населения были заинтересованы в осуществлении государственных реформ. Но в то же время характерно, что во всех песнях высказываются верноподданнические чувства королю наряду с самыми резкими выпадами против привилегированных сословий. Король созывает Генеральные Штаты, следовательно, он заботится о благе народа, следовательно, он друг народа, будем же славить его,—таков приблизительно ход мыслей во всех этих наказах. И еще много времени должно пройти, прежде чем в песне появится тот резкий тон по отношению к королю, который мы уже встречали в «стансах».

Тем временем кипит предвыборная борьба и разгораются страсти. Но адресу знатных раздаются далеко не лестные выражения. Треть сословие почувствовало силу и гордо этим:

Ты знаешь, брат, что я простолюдин,
И говорю, что этим должен я гордиться.
Поверить этому легко.
Сословье третье гнулось слишком долго
Под бременем, но под конец лягнуло.

«Поэтому в настоящее время нет больше риска, что я стану ходить робко, опустив глаза книзу, я подыму нос кверху, и если кто-нибудь попытается посмотреть на меня косо, то—

Собакою я стать хочу,
Я в ход пушу пинки и кулаки,
И морду всю ему и челюсти расколочу.

И, зная свою силу, третье сословие не стесняется острить над бывшими господами положения, дворянством и духовенством:

Да, можно с верностью сказать,
Что потаскуха наша знать,
Поверить этому легко.
Кто только деньги заплатил,
Ей сразу делается мил.

Оно отмечает несправедливость того высокомерного отношения, которое проявляли всегда знатные к третьему сословию: «Знатные и многие прелаты и слышать ничего не хотят о третьем сословии: Что делать с этим мужичьем,—говорят они,—оно создано, чтобы повиноваться и слишком счастливо уже тем, что служит нам. Таков закон природы».

«О, какие дураки! Право же, дурачье! Такой взгляд на людей им подобных доказывает их удивительный ум». И дальше песня отмечает, что и третье сословие так же проливало кровь, как и знатные люди:

Они гордятся кровью пролитой,
«Все нам обязано», сказать желая.
Но кровь то ими пролитая
Взамен своей, скажите, Боже мой,
Ужель оценена другой ценой?
Нетрудно, кажется, понять,
Что и солдат, идя на бой,
В сражении жертвует собой.
Так чем же лучше поступает знать?

Немало достается обоим первенствующим сословиям и в так называемых «Заповедях», которые, по проекту их авторов, должны были петься во время богослужения в день открытия Генеральных Штатов. «Заповеди короля» говорят следующее:

Монарху должен ты служить,
Монарху, но сперва законам.
Ты государство не продашь,
Как сделал принц Конти бесчестно.
Дворян ты должен презирать,
Коль поведут себя постыдно.
Мне правду должен говорить,
Не опасаясь наказания.
Аббат развратным должен быть,
Затем, что стать иным не может.
Не обижай простой народ,
Хоть был бы знатен ты бесспорно.

А еще более достается духовенству в «Заповедях духовенства»

Ты должен церковь посещать,
Чтоб мне платить за требы щедро.
Не меньше десяти раз в год
Мне деньги приноси исправно.
Ты капаунов не должен есть,
Чтоб я имел их в избытке.

Трудиться должен день и ночь
Затем, чтоб мне жилось сладко.

Жену и дочь мне присылай,
Чтоб приласкать их мог я свято.

Много злобы и негодования должно было накопиться в человеческой душе, чтобы она разразилась, наконец, подобного рода произведениями. Впрочем, как и всегда, находятя люди, смотрящие на все события общественной жизни сквозь призму смеха. Им смешны и страдания народа, и неудачи правительства, и те меры, к которым прибегает правительство, чтобы дать выход народным требованиям. «Генеральные Штаты Бахуса» ярко отражают настроения подобных лиц; в этой пародии на созыв Генеральных Штатов, между прочим, говорится:

Но в ожидании результатов
Их новых заседаний,
Что делать нам? Поппровать
В кругу друзей, среди прелестниц.
И, чтобы укрепить успех
Заботы их и их стараний,
Мы, как порядочные люди,
Осушим несколько бутылок
За их здоровье.

Но если в такой тяжелый для государства момент находились люди, которым, по существу, было «наплевать на всех и на вся», то настоящие патриоты скорбели о вражде, разгоравшейся между отдельными сословиями, и, во имя общего блага, призывали к примирению. Таким примирительным духом в числе других произведений проникнута, напр., ода поэта Лабрюта:

Бездонная пропасть несчастий разверзлась под нами,
И если вражда заклинит неизбежно,
То бойтесь, чем выше кто был вознесен на вершину,
Тем будет ужасней паденье.
И, ради желанья мира, свои предрассудки оставьте,
Лишь мир может нашу судьбу осчастливить,
И если так важно, что мы по рождению французы,
То, граждане, все ведь мы—братья.

Тут уже слышится голос эгалитариста, тут уже намечаются те принципы братства, которые позднее становятся официальным испо-

веданием веры каждого гражданина. Но такие произведения немногочисленны. Несравненно распространеннее были все песни, направленные против главенствующих сословий. И перед открытием Генеральных Штатов и во время заседаний их они звучали на протяжении всей Франции в жалких лачугах крестьян и богатых домах буржуазии, на сельских празднествах и на городских площадях. Годами накопленный гнев изливался пока песнями, скоро он должен был начать изливаться кровью.

III.

Но вот выборы депутатов в провинции кончены, и народные избранники начинают съезжаться в Париж. Готовится открытие Генеральных Штатов, окончательно назначенное на 5 мая. Они будут заседать в Версале, в тихом и мирном Версале, подальше от вечно волнующегося Парижа. Население шлет добрые пожелания выезжающим депутатам:

Вы отправляетесь сейчас,
Надолго покидая нас,—
Нас это огорчает.
Но, уходя на благо нам,
Стараться будете вы там,—
Нас это утешает,—

говорится в куплетах, посвященных депутатам округов, собравшихся в Меце 15 апреля, и далее выражаются верноподданнически чувства:

Пред королем чувствительным и добрым
Вы представителями быть должны
Народа кроткого, способного любить,
Насколько это лишь возможно.
И этот выбор, столь приятный всем,
И этот выбор, общее всех дело,
Есть доказательство, что выбрали умело
Тех, кто, согласно их желанью,
Сумеет выразить поборность их.

Другие песни высказывают надежды на лучшее будущее, указывая, что «наш добрый монарх Людовик вместе с нашими дорогими депутатами создадут великое счастье, а знатные станут более человечными, и их предрассудки будут разрушены».

Третьи превозносят Людовика за то, что он стремится к благу народа, а не к своей личной славе:

Видали ль вы в прошедшие века
Среди столь возвеличенных героев,
Чтоб государь в победе видел
Иную цель, помимо своей славы?

Даже столь мало популярная королева попала в эти словеса:

Да здравствуют Людовик и Антуанетта!
Да здравствует и их министр прекрасный!
Пускай в честь Генриха Четвертого богиня
И в честь Сюлли вострубит на трубе!
Хвалить и славить станем, не смолкая,
Отца, которого боготворит народ,
И сердцем предадимся мы веселью.

Но трогательней всего, что грядущую свободу славит с юношеским жаром 78-летняя старуха; приветствуя третье сословие и короля, она говорит про эту свободу:

Она придет! Мольбы—дошли до неба!
Она придет! Пройдут дурные времена!
Людовик хочет утереть нам слезы,
Не будет больше горя иль тревог,
Она придет!

Тем временем наступает канун открытия Генеральных Штатов. Большинство депутатов уже съехалось и получило приглашение участвовать в торжественной процессии в Версале и на богослужении, которое должно предшествовать открытию Генеральных Штатов.

«Четвертого мая,—говорит один историк,—в величественном и холодном Версале царило необычное одушевление. Многочисленная толпа заполняла улицы, широкие окна были полны зрителями: большое количество парижан явилось посмотреть на представителей нации, созданных в первый раз в течение двух веков»... «Это был для меня один из лучших дней моей жизни,—писал на следующий день своему отцу Камилл Демулен,—нужно было бы быть плохим гражданином, чтобы не принять участия в празднике этого священного дня». Все депутаты, король, королева и весь их двор шли в

процессии. Наивная песня восторженно описывает этот «Наилучший день, когда-либо виденный при дворе»:

Какую радость испытали,
Когда монарха увидали:
Людовик наш тихонько шел...
Аллилуйя!

«А сзади шла королева с принцессами в своей свите. О, счастливицы те, кто был там, так как они видели эту процессию, окруженную всей нацией. Никогда король не испытывал такой чистой радости, как в этот раз».

И люди плакали и пели
И от восторга каменели.
Ах! Славный день был этот день!
Аллилуйя!

«Невозможно, — говорит песня дальше, — сравнить даже лучшее оперное пение с народными кликами: — «Да здравствует король!» И мы надеемся, что столь великий день предвещает счастливый оборот дел».

Другая песня отмечает, что Бог-Отец и король французов собирают вместе все сословия. «Ах, что это за чудо. Ведь и духовенство и знать соединяются с третьим сословием. Аллилуйя!» Песня, очевидно, не знала еще тех межсословных трений, которые даже в этот день проявились при распределении депутатских мест в церкви, где избранники народа были размещены по сословиям. Вот почему она, наряду с королем, славит не только королеву, но и принцев:

Да здравствует прекрасный наш король Людовик!
Его достойный фаворит Неккер!
Собрание их укрепит обоих.
Аллилуйя!

Да здравствует навеки наша королева!
Ей горе причинила клевета,
Ее утешило собранье.
Аллилуйя!

Да здравствуют все наши принцы крови!
Пускай опорой своему сословию будут,
Благотворительность отметит их.
Аллилуйя!

«Аллилуйя!» заканчивает эта песня свои благие пожелания, наводящие на вопрос, да искренни ли они? А когда в другой ана-

логичной песне мы видим прославление графа д'Артуа, ненавистного всему передовому обществу, то мы найдем ее восторги и перед Антуанеттой и перед принцами крови, только прочитав внизу разрешение на ее печатание, данное полицией. И мы думаем, что несравненно искреннее была третья песня, которая появилась тоже в этот день, но уже без разрешения полиции, и которая говорила:

Когда попы, когда дворяне,
Друзья мои,
С таким презрением и так грубо
Глядят на нас,
Пускай себе они гордятся,
Губя страну.
А мы, тем временем, за третье
Сословье пьем.

При таком-то настроении, восторженном с одной стороны и злобно недоверчивом с другой, — 5 мая 1789-го года открылись Генеральные Штаты.

Радостью и ликованием было встречено это событие, более десяти тысяч поэтов, по подсчету одного исследователя, прославили в своих творениях этот знаменитый день.

О, наконец-то счастье возродится
При самом справедливом короле!
Прославим же столь доброго владыку,
Законы исполняет он Минервы.
Французы, он обмана не выносит
И обо всем желает знать.
Пусть сладкая надежда вас ободрит.

«Вот он, желанный момент», — заканчивает песня. Другая не менее восторженно восклицает:

День этот памятный торжественно мы справим
И будем ликовать.
Пускай во всех местах, исполненное славы,
«Те Деум» прозвучит,
Пропетое с глубоким выраженьем
Открыто, вслух,
И пусть по Франции повсюду раздается:
«Да здравствует король!»

Де-Ляплас, старейший, по его собственному признанию, из литераторов современной ему Франции, излил свои патристические чувства в пророческих виршах:

Столь долго жданный день, стремлений всех венец,
Навек счастливый день, настал он, наконец,
И лучший из французских славных королей,
Ценою доблести и милости своей,
Сердцами овладев средь мира, для войны
В рядах солдат найдет всех жителей страны.

«Пророческими» называем мы эти вирши потому, что в скором времени действительно почти все мужское население Франции должно было встать под знамена, но шло оно на защиту уже не короля, а республики.

Но, конечно, главные восторги были направлены по адресу третьего сословия, которое, вопреки всем прайскам своих врагов, как бы воскресло из мертвых:

«Один Ватиканский апостол (т.-е. да-Бриени),—говорила песня, заживо похоронил третье сословие, но оно скоро воскресло. Аминь!»

Ирче всего это восторженное настроение отразилось в произведении «Величие третьего сословия», того самого сословия, которое, по словам Сийеса, «было ничем» и которое «хотело стать хоть чем-нибудь». Вот особенно характерный отрывок, в котором автор, обращаясь к представителям третьего сословия, говорит следующее:

Полезные плебеи! Только вы одни
На родине своей живете честно,
Вам дорог ваш монарх и доблестям его
Легко доверились вы сердцем.
Надежды пылкие на вас он возложил,
Он друг народа, и он знает,
Что вами укреплен не раз был трон,
Расшатанный руками знатных.
И только среди вас рождались всегда
Бессмертием отмеченные люди,
И мощью гения равнялись они
Владыкам мира величайшим.
И если дворянин, гордящийся родней,
С презрением глядит на гражданина,
Пусть древен род его, он все же должен знать,
Что первый дворянин был из плебеев.

Это уже гордое заявление о своей силе, гордое признание своих заслуг, даже в ущерб исторической правде. А в заключении реко-

мендуется «показать всей Европе импозантное зрелище твердой, независимой и гордой нации, награждающей своими благодеяниями благодарного короля»—уже не народ благодарит короля, а король должен благодарить народ: это новый язык бывшего подданного, почувствовавшего себя гражданином.

А, обращаясь к другим сословиям, песни рекомендуют им слиться с третьим сословием, забыв о своих привилегиях и преимуществах:

Вы, чьи смиренные молитвы
К престолу Вечного идут,
И вы, кому трофей битвы
Печать бессмертья придают,
Храните свято те права,
Но откажитесь навсегда
От преимуществ нечестивых...—

говорит по адресу духовенства и дворянства писатель Пьер Женгенз и советует им делами заслужить свои привилегии: «Дайте пример народу, подражая своим предкам, которые прославили себя боевыми подвигами, проливая свою кровь за Францию».

Впрочем, как мы видели выше, демократическая песня и в этом не замечает большой заслуги, так как кровь проливали не одни знатные.

И вообще, для достижения счастья, люди должны вернуться к своему первобытному состоянию:

Когда Всевышний наш Создатель
Из хаоса весь мир извел,
Он создал равными людей,
У всех была одна природа,
Один для всех был строй святой
Без духовенства и дворян;
Сословьем третьим были все...—

так трогательно рисуется идиллическое прошлое в одной песне и автор ее указывает, что король, желая вернуть эти блаженные времена, предписывает дворянству и духовенству стать третьим сословием, ибо тогда случится чудо наяву:

Век золотой настанет снова,
Ремесленники, земледельцы,
Священники,—все, малый и большой,
Все подданные доброго владыки
Увидят равенство рожденья.
Дворяне и князья, аббаты и прелаты,
Сословьем третьим станете вы все!

Заключение весьма энергичное, но жизнь была сложнее подобных простых решений, и уже на другой день после открытия Генеральных Штатов началась борьба между представителями сословий из-за проверки полномочий.

Дворянство и духовенство желали производить проверку депутатских мандатов отдельно по сословиям, но третье сословие находило, что этот вопрос затрагивает всех представителей нации, поэтому и должен рассматриваться соединенным собранием депутатов. На этой почве и возгорелась борьба между сословиями, протянувшаяся больше месяца и закончившаяся полной победой третьего сословия. Такой сравнительно небольшой вопрос, как проверка полномочий совместно или отдельно по сословиям, имел глубокое принципиальное значение: третьему сословию было важно показать, что оно больше не признает сословных перегородок, ибо все французы, каково бы ни было их происхождение, равны между собой. Прошло то время, когда на последнем собрании Генеральных Штатов в 1614 году представитель знати мог публично заявить, что между его сословием и третьим такая же разница, как между господами и их лакеями. Представители первенствующих сословий не желали и теперь идти на уступки, и их непримиримость встретила суровую оценку в обществе.

«Заповеди здравого смысла», адресованные третьему сословию и распространявшиеся во время этих споров из-за проверки полномочий, говорили следующее:

Дворян бояться ты не смей,
А также знатного священства.
Желаний их не исполняй
Ни делом, ни своим согласьем.
Парламентов поберегись:
Они злоумышляют сильно.
Священников не уважай,
Коль поведут себя нечестно.
Ты деньги при себе оставь.
А им оставишь их молитвы.

Последний совет был особенно коварен, но он не пропал даром, так как революция добралась постепенно и до церковных имуществ, после того как было покончено с феодальными привилегиями. «Заповеди», впрочем, не забыли и этих последних:

Дворян ты можешь наказать
С такой же легкостью или легче:
Прав сеньюральных не признай—
Законно это сделать можешь.

Их привилегии похерь,
А чтоб усилить наказанье,
Ты содержанья их лиши,
Притом, конечно, совершенно.

Другими словами,—«бей по карману»,—мера, которая часто практиковалась и в новейшее время. Очень характерны заключительные заповеди:

Стань человеком! Ставши им,
Будь в поведении отважен.
На заседания ходи,
Притом всегда с большим старанием.
Шипенья зависти не слушай!
Ты должен голоса считать
Не по сословьям, а по лицам.
Неккера ты благословляй
Все время, ну, а в заключенье
Парламент, знать и духовенство
Ты к чорту должен отослать.

Впрочем, другие барды, предвидя возможность разных осложненных благодаря этим спорам, призывали к примирению и объединению. Такова, напр., была басня «Три брата», образно рисующая сложившееся положение и возможные последствия неладов трех сословий.

Три брата занимали отчий дом,
Их общий интерес один и тот же был:
Жил старший в первом этаже, другой жил во втором,
А самый младший в третьем жил.
И старший пел и пил, охотился и дрался,
И днями целыми он только развлекался.
Второй с молитвами ходил,
Дела ж вел третий и... платил.

Поэтому все хозяйство шло кое-как, и в один прекрасный момент их неважно построенный дом затрепал и наклонился. Пришлось призвать архитектора, человека, известного своим благоразумием, талантами и добродетелями; он сказал, что беду можно исправить, но для этого три брата должны соединиться вместе:

«Как? — старший вымолвил, — мне с братом повидаться!
Смеетесь что ли вы: на вышке он живет.
Я, право, слишком горд, чтобы к нему взбираться
Иль ждать, когда он сам ко мне сойдет».
Второй же брат сказал: «Не тронусь с места я;

Власть первому дана, платить обязан третий,
 А мой удел владеть, и за владенья эти
 Платить не должен я». — «Чем ссориться, друзья,
 Не попытаться ль нам о деле сговориться», —
 Промолвил скромно третий брат.
 Напрасные слова! Все принялись браниться,
 Забывши всякий чин и лад.

И понятно, что их ссора кончилась очень печально:

И что ж? Пока они шумели и кричали,
 Обрушился весь дом и их передалил.

«Французы, французы, что вы думаете об этом», — говорит в послесловии автор басни.

А французы, по крайней мере из третьего сословия, думали, повидимому, не особенно лестно о первенствующих сословиях. И особенно резко и недвусмысленно выражались о них престоноародные сторонники третьего сословия. Так, например, когда были закончены выборы от парижского населения и это событие праздновалось 18 мая, то торговки центрального рынка, явившиеся поздравить выборщиков с результатами выборов, давших депутатов Балли, Сийеса, Тарже и др., пили за здоровье третьего сословия и пели куплеты, сложенные Сильвэном Марешалем, где по адресу знатных попадались такие строфы:

Затем и существуют гады,
 Чтоб ползать по земле,
 Но ударить их — это значит
 Их раздражить.

И неосторожный человек делается жертвой этого столкновения. Отсюда сам собой напрашивался вывод, что с гадами не сражаются, а их дают. Но песня не договаривала этого и только ехидно добавляла:

Хоть сволочью весьма любезно
 Зовете нас,
 Но, как и всех, платить налоги
 Заставим вас.

Этим как бы вскрывались истинные мотивы неуступчивости дворянства и духовенства. Но зато в тех же куплетах прославлялось третье сословие и «спаситель Франции Неккер, который сам родом из третьего сословия».

Тогда же по рукам ходило понурри, где в куплетах объяснялось поведение духовенства исключительно «денежным вопросом», а быв-

шего председателя собрания выборщиков и депутата г. Паррика Тарже те же куплеты просили:

Госпоже аристократии
 Передайте наш привет;
 Содержанка эта старая
 В горе, что почета нет.
 Молода была красавица,
 Воротилась к нам спиной;
 А теперь, когда состарилась,
 Разговор с нею иной.

К этому же времени относятся некоторые «моления» весьма определенного содержания:

От аристократии, лишающей нас покоя с давних пор,
 Избавьте нас, государь!
 От интриганов, желающих столкнуть хороших министров,
 От злых, противодействующих Генеральным Штатам,
 От голосования по сословиям, а не по лицам,
 От дворянства Бретани,
 От непатриотического дворянства Франшконтэ,
 От эгоизма и честолюбия духовенства,
 Избавьте нас, государь!

Эти же «моления» поясняют, чем нарушается «покой» третьего сословия, когда говорят:

От всяческого зла избавьте нас, государь:
 От мемуара принцев,
 От похищения патриотических петиций и протестов,
 От насилия парламента во Франшконтэ... — и т. д., —

причем, пожалуй, наиболее красочной является просьба, «о том, чтобы бретонское дворянство больше не убивало представителей буржуазии при помощи наемных убийц».

И хотя в этих «молениях» встречаются обращения к разным духовным лицам, —

Священники-патриоты, по истине верующие,
 Архиепископы Нарбоннский, Вьеннский и другие,
 Епископы из Бауа, Нима, Кэмнера и другие,
 Церковники всех рангов, любящие народ,
 Молитесь за нас, —

хотя, говорим мы, «моления» направлены и к сановному духовенству наряду с «городскими и сельскими священниками, знающими на-

родную беду», но все же мы видим, какая злость и какая злобная прощия звучит в большинстве песен по адресу первенствующих сословий. Поэтому мы не удивимся той грубости, с которой высказывается песня «Торговок селедками центрального рынка» по поводу трений, происходящих в Генеральных Штатах:

От этих важных Генеральных Штатов
 Добьемся ли какого-нибудь толку?
 И будут ли так глупы эти господа,
 Что по домам к себе вернутся с ноготом,
 В то время как добряк король каким-то чудом
 Препрекренне творить добро желает!

И, пожалуй, совершенно правильно эта песня отмечает, что к престолярью было бы иное отношение:

О, если б на их месте были мы,
 То сволочью нас просто окрестили б,
 А, между тем, не могут сговориться
 И лишь ругаются все эти господа.

И далее она доказывает ошибочность того взгляда, который признает существование низких духом людей только в низах общества:

Нет, самую отвязленную сволочь
 Мы встретим не среди маленьких людей:
 Она среди парламентских собак,
 Среди этой знати и среди этих митроносцев!
 И любят-то они совсем не короля,
 Столь честного, а денежный сундук его!

Поэтому невольно напрашивается вопрос:

Зачем же содержать таких тиранов?
 Им рыбку хочется ловить в водичке мутной,
 И чем сильнее несчастья наши,
 Тем вырастает жадность их сильнее.

Ясно, что положение это ненормально:

Чем путь короче, тем он лучше,
 Давно пора покончить со всем этим!
 Ужель для нескольких придворных негодяев
 Погибнуть Франция должна?
 Не может же народ в союзе с королем
 Не оказаться их сильнее.

И заканчивается песня прямой угрозой:

А если знатные еще продолжат смуту,
 Пусть убираются ко всем чертям!
 И если золото они так любят,
 Пусть в глотки им его нальют!

«Вот искренние пожелания, высказанные торговками селедками».

Так заканчивается эта грубая жаргонная песня, и язык ее приобретает особое значение в наших глазах, когда мы вспомним, что в это время со всех концов Франции шли вести о голоде, волнениях и грабежах, а в самом Париже рынки охранялись войсками и конные патрули должны были разъезжать по улицам, ведущим к рынкам.

IV.

В то время, как кипели и разгорались партийные страсти, королевскую семью постигла горе: умер дофин, наследник престола. Песня так рассказывает об этом событии:

Во вторник второго июня,
 Под вечер раздался набат,
 Приводит он всех в огорченье
 Печальным и сумрачным звоном.
 Повсюду на улицах слышен
 Лишь ропот какой-то нестройный, —
 Стекается к храму святому
 В тревоге народ.
 И небо он искренно просит
 Послать, наконец, излечение
 Малютке дофину,
 Который так дорог нам всем.

«Но,—добавляет песня,—на этот раз Парка доводит сердца до крайности», т. е., по-просту, дофин умер (4 июня), и песня от имени третьего сословия утешает «короля папаш» и «королеву мамаш», напоминая им, что второй сын займет место покойного дофина. Но этот второй сын, повидимому, тоже не отличался крепким здоровьем, так как не успел он поцать в наследники, как песня уже говорит:

Вот только что утратили дофина,
 А возвещают уж конец другого,
 Но этот принц окажется хитрее
 И доктора обманет своего.

Он, действительно, «обманул» доктора и остался жив, хотя и не на радость себе... Но возвратимся к изложению событий, от которых мы несколько уклонились в сторону.

Борьба трех сословий продолжалась своим чередом; третье сословие, видя, что его объединительные попытки терпят неудачу и что дворянство упорно не хочет идти на уступки, обратилось 27 мая к духовенству, предлагая ему добиваться вместе средств «установить мир и согласие». Духовенство заколебалось, часть его примкнула к третьему сословию, и это дало ему возможность произвести *coup d'état* 17 июня: в этот день третье сословие объявило себя Национальным Собранием, чем становилось на революционный путь и давало понять представителям дворянства и духовенства, не желавшим применить к нему, что оно может обойтись и без них. Руссо, бард революции, так воспеял это событие:

Приветствие тем мужественным людям,
Которые в торжественном собраньи
Сегодня нам свободу возгласили,
Чтоб нам в грядущем счастье обеспечить!
Священным толкователям законов,
Привет им, мстителям за наше право!

И, далее, он обращается к «Верховной Правде», просит ее сойти с небес и лично руководить славными трудами Ликургов третьего сословия. По адресу же двух других сословий он говорит, обращаясь к той же «Верховной Правде»:

А те сословия,—за них краснеем,
Так велика преступность их претензий,—
Ты их заставь теперь соединиться
С Ликургами, достойными почета:
Пусть их высокомерная гордыня
К подножью истины падет.

Самим же «Ликургам» он рекомендует запечатлеть у себя в сердцах огненными буквами следующую истину:

О, смертные! Ведь Бог один и тот же
Отец для вас, он братьями вас создал,
И человек, рожденный человеком,
И в Индии и в Сенегале равен.

И, в заключение, он говорит, что высокая миссия депутата состоит в том, чтобы возродить золотой век среди свободы.

События меж тем шли ускоренным темпом. Известие, что третье сословие объявило себя Национальным Собранием, встревожило дворянство, а значительная часть духовенства стала склоняться на сторону революционеров. Время было тревожное, появились слухи о готовящейся отставке Неккера. Королевский приказ повелевал прекратить заседания Генеральных Штатов до 23 июня, когда мол король будет присутствовать на собрании... И вот 20 июня депутаты третьего сословия, найдя зал своих заседаний запертым, отправились в *Jeu de Paume*,—зал для игры в мяч,—где и принесли свою историческую клятву: не расходиться ни по чьему приказу, но собираться везде, где только позволят обстоятельства, до той поры, пока ими не будет выработана конституция. Этот торжественный момент так изображается песней:

Все пламенем проникнуты небесным,
Все, отгоняя прочь преступный страх,
Клянутся перед деспотизмом гнусным
За право отомстить или умереть.
И зритель, этой клятвой упоенный,
Твердит ее и, руки вверх воздев,
Народ ее твердит,—народ твердит, а небо
Ей одобренье свыше шлет.

Последний стих намекает на грозу, разразившуюся в этот момент над Версалем. Что касается самих депутатов, то певец говорит им следующее:

Законодатели, увенчанные славой
За то, что клятву дали здесь,
Вы над тиранами победу одержали,
Воспользуйтесь же ей: они все смущены.
Напрасно деспотизм в своей проклятой злобе
Надеждой льстит себя власть вечно сохранить.
Ведь ваша клятва—клятва роковая:
В ней для чудовища суровый приговор.

Однако, чудовище-деспотизм, как он ни был поражен смелостью своих противников, все еще не хотел сдаваться. 22 июня 149 священников присоединились к третьему сословию, а 23 июня король в своей речи депутатам потребовал, чтобы они, разойдясь сегодня, на завтра собрались по сословиям, каждое в специально отве-

денном для него помещении, и голосовали отдельно друг от друга. Их неповиновение может вызвать роспуск Генеральных Штатов.

Язык этот так мало гармонировал с общим положением дел, что песня с удивлением спрашивает:

Чего хотят эти министры,
Фальшивые оракулы двора?
Какую цель преследует сегодня
Их затаенная игра?

В сенате нашем августейшем
Они нахальней, чем Селян;
И праведный король представлен
Стараньем их, как злой тиран.

Песня не может допустить и мысли о том, что король действует без влияния этих советников, и предупреждает его, что они могут только повредить ему: «Людовик, пойми же надежду этих преступных людей. Все они своими тайными ковами хотят уронить тебя. Напрасно они надеваются на тебя личину монарха-патриота, когда заставляют тебя говорить деспотически с твоим сувереном».

Но этот суверен-народ великодушен:

Ведь этот суверен законный—
Внимающий тебе народ,—
Он за последний твой проступок
Тебе свое прощенье шлет.

«Мои устами,—поясняет дальше певец,—он (народ) заявляет тебе, что он умеет различать в тебе и короля, которого сбивают с правильного пути, и человека честного». Нельзя, конечно, сказать, чтобы это объяснение было очень лестно для Людовика XVI. И далее монарху рекомендуется «утвердить свои права на непоколебимом основании законов» и «исполнять желания народа», ибо тогда он станет «величайшим королем на земле».

Результат этого заседания известен. Дворянство и часть духовенства по уходе короля покинули собрание, а третье сословие продолжало оставаться и, на предложение разойтись, ответило, по одной версии, знаменитой фразой Мирабо: «Мы уйдем, повинувшись лишь силе штыков», а по другой—словами своего председателя Бальи: «Я не могу распустить собрание раньше, чем оно само не постановит этого», одним словом, неповиновением королевской воле.

Тем временем, уличная толпа, узнав о разыгрывающихся событиях, так беспокоило вела себя во дворе замка, что один из принцев

в испуге отдал приказ караулу французских гвардейцев взять ружья на прицел, но солдаты отказались повиноваться:

Вот в Версале, перед замком,
Д'Артуа без сожаленья
Говорит: «Перестреляйте
Эту сволочь без стесненья,—

рассказывает песня, а в уста солдат она влагает следующую характерную реплику:

Побросаем наши ружья!
Слишком гнусно приказанье:
Эти люди так несчастны!
Не умножим их страданий!

И солдатская дисциплина была побеждена чувством жалости. А положение зрителей, повидимому, было довольно критическое, так как песня считает нужным отметить, что «в этот горестный момент каждый думал, что он благодаря такому кровавому приказу находится уже в могиле, но гвардейцы думали в тот миг только о том, чтобы нам понравиться». Поэтому песня прославляет их и рекомендует даже дать им особое название:

Почет тем доблестным военным,
Почет их благородным чувствам,
Им ведомо, что мы их братья
И что Людовик хочет счастья нам.
Геройскую их душу мы прославим,
— Они достойны удивленья,—
А им дадим единогласно имя:
«Солдаты нации».

Это наименование мы встретим несколько позднее при образовании национальной гвардии.

После 23 июня раскол в среде дворянства проявился настолько сильно, что 25 июня 47 членов этого сословия с герцогом Орлеанским во главе присоединились к депутатам третьего сословия: «Принц благородной крови слил свой ранг с третьим сословием. Весь народ благословит его», говорит песня, а другая не жалеет слов для выражения своего восторга перед этим поступком:

Все восхищаются тобою, гражданин,
Принц, обожаемый за добрые дела.
Сколь благородным чувством ты одушевлен
И как довольны мы тобой.

Третья песня выражается еще резче, еще определеннее:

О, вы, великий герцог Орлеанский!
 Народы могут быть довольны
 Назваться вашими детьми!
 За то, что дело их вы поддержали,
 Да будет слава вам и честь
 Во всем и навсегда!

А на следующий день к ним же присоединился и архиепископ Парижа Де-Жюинье, который едва не был растерзан накануне толпой за противодействие соединению священников с третьим сословием. Песня не постеснялась поиздеваться над ним: «Ваши высокие саном церковники, — говорит она, — предполагали отравить государство коварнейшим ядом, и говорят, что они дали обет своему патрону, святому Тартюфу, действовать подобно детям Лойолы. Поэтому их почтеннейший представитель (Де-Жюинье) с крестом в руках пылко изложил свою доктрину королю». А доктрина эта, по словам другой песни, состояла в том, что архиепископ уговаривал короля не убивать их всех и удалить с поста руководителя государством ненавистного нехристя, т. е. Неккера. Но, конечно, королю не оставалось ничего другого делать, как дать приказ и дворянству соединиться с третьим сословием. Это и произошло 27 июня ко всеобщей радости и ликованию:

О! Исторический счастливый день!
 Соединились три сословия!
 Француз, твои исполнились мольбы,
 Так наслаждайся твоей славою!

Теперь можно славить короля: «Тайна, наконец, прояснилась, король принял сторону третьего сословия, будем восхищаться этим решением. Аллилуйя!» — говорит одна песня, а другая, обращаясь к герцогу Орлеанскому, просит его:

Принц Орлеанский, передай монарху
 Про наш восторг и про любовь к нему;
 Людовик хочет знать лишь правду,
 Лишь правду хочет полностью он знать.

Особенная радость проявляется по поводу победы, одержанной над придворной камарильей:

«Наконец-то, французы, вы торжествуете; темный заговор задушен. Все приспешники развратницы (т. е. Антуа-

нетты), Конти, Конде, Бурбон, Д'Ангиен и этот преступник Антуа—

Они все вместе порешили
 Последний грош у вас отнять
 И вас самих же оседать».

«И эта шляха Полиньяк также рассчитывала наполнить свой денежный мешок, но теперь черная комната (камарилья) подохнет от этого», т. е. от своего поражения.

Зато восторженную оценку встречало и самое событие, — объединение сословий, — и главный виновник его Неккер:

Нет сомнения, что Неккер—
 Победитель ада,
 Им растоптан Люцифер
 Вместе с Завистью, с Враждой,
 А железною рукой
 Он прикончил с Клеветой.

Другая песня сравнивает его даже с божеством:

«Французы, Неккер наш оплот, каковым был великий Сюзли. Он будет Богом Франции».

Третья отмечает чувство самоудовлетворения, которое должен испытывать Неккер благодаря своему успеху:

Неккер, чувствительный и мудрый человек,
 Не правда ли, ты должен быть доволен?
 Ведь наше счастье создано тобой,
 И ты увенчан будешь славой.

Много благих пожеланий высказывается в четвертой песне:

«Сегодня да здравствует король и вместе с ним Неккер, а затем единогласно прославим этого великого человека, этого иностранца-француза... В Версале и Париже прогоним заботы; буржуа, солдаты, каждый человек говорит себе: будем прогоним заботы; буржуа, солдаты, каждый человек говорит себе: будем жить с нашими братьями, не будем противоречить, шуметь и сердиться. Да будет слава во всех кантонах нашей нации, пусть наши прекрасные депутаты покончат с нашими бедами, пусть будет восторг перед парижскими войсками» и т. д.

Но, конечно, песни с особенным восторгом приветствуют депутатов третьего сословия:

Вы—Рима древнего сенаторы,
 Продлите ваши благородные труды;
 Любой из вас—великий человек;
 Вы прекратите все несчастья наши.

Так пророчествует одна песня, другая же указывает, что умные люди, т.-е. депутаты третьего сословия, сумели преодолеть козни своих противников. Поэтому и имена этих умных людей будут жить вечно:

Балли, Таржэ, Жаллэ, Диллон,
Священники и Грегуар,
Лалли и доблестный Криллон,
Аллилуйя!

Барнав, Сийес, Моннье, Рабо,
И Шапелье, и Мирабо,
На мрамор вас запишут всех.
Аллилуйя!

Неккеру мы оставим медь,
Он опытной рукой для нас
Все эти чудеса припас.
Аллилуйя!

И для ознаменования столь замечательного дня, одни предлагают спеть «Te Deum!» и выпить, а другие—более энергичную меру: «сложить всех придворных разбойников в костер и сжечь их».

Но в то время, как одни легкомысленно сравнивали Неккера с танцмейстером, дающим нации гармонию, в то время, как другие пели vivat! и victoria!,—т.-е. «ура» и «победа»,—третьи замечали скептически, что, пожалуй, не так-то уж уместно петь «аллилуйя!», когда более подобает петь «Со святыми упокой!».

И следует признать, что в этом замечании была известная доля истины, так как близился час новой и еще более грозной победы революции над старым режимом, приближались июльские дни...

V.

Итак, 27-го июня 1789-го года произошло объединение сословий в Национальном Собрании.

Почет и мир сословьям трем,
Недавно ведшим спор!
Прелаты, знать и буржуа
Хотят прожить без ссор,
Как братья,
Братья,
Братья.

Духовных пастырей вожди,
Хоть и высок их сан, —

Но смотрят на простых попов,
Купцов, сенаторов, дворян,
Как братья,
Братья,
Братья.

Так радовалась песня, и, действительно, казалось, что «нация мирно вступила во владение верховной властью, причем ни одна капля крови не запятнала ее победу» (Жорес). Казалось, что после объединения сословий должны были закончиться недоразумения между ними. Не даром же некоторым оптимистам чудилось, что это чисто внешнее, так сказать, механическое объединение сословий должно было привести и к дальнейшему уравниванию их:

А все ж спасибо Генеральным Штатам,
Дворяне и вилэны меж собой равны.
И если доверять тому, что пишут,
То все, считаясь с средствами, платить должны.

Так радуются оптимисты, потому что уравнивание сословий обещает им в будущем кое-какие облегчения налогового бремени. Другие же, менее радужно настроенные, жалуются на общую бедность, указывают, что «умирающий с голода бедняк должен платить за хлеб 15 су», т.-е. около 30 коп. И поясняют, что народ, не имея возможности довольствоваться «завтраками», которыми его обещают накормить, начинает проявлять тревожную активность, захватывая хлеб в зерне, который везется в Париж.

Но если идет брожение в низах народа, то и в верхах его тоже не все обстоит благополучно. Примирение сословий не могло, конечно, устранить противоположности их классовых и сословных интересов, и те из них, кто потерпел поражение в парламентской борьбе, естественно должен был мечтать о реванше, о новом перевороте в свою пользу:

И у попов, и у дворян
Есть наготове черный план,—

говорит песня, а другая влагает в уста аристократии следующее «моление»:

Д'Артуа, услышьте нас!
Королева французов, не покидайте вашего супруга.
Барнав, повесьтесь!
Герцог Орлеанский, трепещите!
Священники, соединяйтесь!
Дворяне, отомстите за себя!

От наших врагов, от Неккеров, Мирабо,
Таржэ, Ле-Шателье, Архиепископа Бордо.
От чудовищ Собрания,
Освободите нас, наш король!

Но не дремлет и сторона оппозиционная и снова, как перед созывом Генеральных Штатов, начинает выпускать куплеты против короля и королевы:

Посмеемся и повеселимся,
Нашей властью насладимся,
Растрясем карман
Добрых парижан, —

пеют королева и король в одном из небольших куплетов. Другие же непечатно-непристойно и резко острят над «нашей распутной королевой и развратным Д'Артуа», которые наставляют рога великому королю.

На политическом горизонте постепенно сгущаются тучи. Двор, потерпев поражение в воцре об объединении сословий, стал подготавливать контр-революционный переворот и решил сосредоточить войска между Версалем и Парижем, чтобы иметь возможность нанести одновременный удар и по Национальному Собранию, и по парижанам, находившимся в непрерывном общении с Собранием. Нужен был только благовидный предлог и предлог этот скоро нашелся.

30-го июля парижане силой освободили из тюрьмы Сэн-Жерменского аббатства нескольких солдат, посаженных туда за неповиновение начальству: они не желали зарядить ружья боевыми патронами, так как опасались, что их заставят стрелять в парижан. Но так как военные власти требовали выдачи освобожденных солдат, то в Версаль была отправлена специальная депутация парижских граждан, которая, при посредничестве депутатов Национального Собрания, добилась у короля полного помилования этих солдат.

После этого торговки центрального рынка ходили в Версаль благодарить короля за этот акт милости и цели там:

Король-отец так ласков был,
Солдат нам наших возвратил, —

и делали оригинальное дополнение к этой песне:

«Господин Неккер, этот столь добрый отец,

не вредил в этом деле так же, как и господа депутаты. Да здравствует его величество!». В конце песни они указывали, что народ доволен королем.

Но, вероятно, народ все же не слишком был доволен королем, если уже 4-го июля в кафе могли произноситься и распространяться следующие речи в стихах, восхвалявших мятежный акт парижан:

Все, кто историей превознесен в герои,
В сравнении с вами попросту нули.
Был, правда, на войне прославлен Александр,
Но выдумал игру опустошить весь мир.
На Цезаря надежду возложили в Риме,
Но Цезарь по верховной власти изнывал.
Вы ж, нынешние Бруты, против тираньи
Взялись так горячо отчизну защищать:
Едва до вас донесся крик солдатский,
Как ваш удар разбил темницы дверь... и т. д.

Говорят в кафе и на другие темы, но, по словам песни, «все говорят и говорят о политике». И нельзя было не говорить о ней, так как события начинали развертываться довольно быстро и принимать весьма острый характер.

Парижские волнения послужили предлогом для сосредоточения войск в окрестностях Парижа. Это, конечно, несколько не способствовало успокоению населения, а произвело обратное действие. Париж продолжает волноваться. В Париже ходят тревожные слухи о готовящейся отставке Неккера и о блокаде Парижа со всех сторон королевскими войсками. Тревога растет и увеличивается, тем более, что известен ответ короля Национальному Собранию 11-го июля: «Забота об общественной безопасности составляет одну из моих высших обязанностей; эти мотивы и побудили меня сосредоточить войска вокруг Парижа».

Песня так живописует этот момент:

Когда фаланги войск наемных,
Сошлись вокруг парижских стен,
То все в необычайном страхе,
Метались во все концы.
Но этот страх проходит скоро
И более возвышенное чувство
Тебя, свобода, призвало на помощь.
Париж спасен был голосом твоим.

И парижский буржуа, «вскипев и будучи горяч, как пылающий уголь», обращается к Людовику XVI с самым настоятельным посланием:

Твердит ему в волнении:
Вдвойне растет наш страх,
Мы видим войск движение
На Марсовых полях...

На буржуа наводят ужас и эксцессы голодной толпы, которая не особенно перемонится с чужой собственностью:

Вот шайкой непокорною
Мятежная толпа
По городу рассыпалась,
От ярости слепа,
И в бешенстве своем
Разносит все кругом...

«Она грабит зерно и муку, чтобы вызвать голод», добавляет автор песни, забыв, очевидно, что награбленные в монастырях мука и зерно были отправлены на хлебный рынок для продажи народу.

Но вот наступает 12 июля, и слухи об отставке Неккера оправдываются: он не только отставлен, но даже, согласно королевскому предписанию, должен был тайно уехать из Франции.

Начинаются общие волнения; в Палэ-Рояле Камилл Демулен призывает граждан к восстанию. И действительно:

К оружию! все кричат
И за Париж дрожат.

А дрожать у них были основания: именем короля парижан приглашают не собираться толпами, и в то же время наемные королевские войска появляются и в Елисейских полях и в других пунктах Парижа.

Народное возмущение все растет и растет. Устраивается шумная манифестация с бюстами герцога Орлеанского и Неккера; последний в знак траура покрыт крепом. Под вечер на возвращающихся манифестантов Ламбек производит со своими драгунами кавалерийскую атаку в Тюильрийском саду. Песня немедленно заклемила его поступок:

Антропофаг Ламбек, Нерон!
Кует для рабства цепи он.
Но дружный натиск наших сил
Убийства разом прекратил.
И зорко граждане следят,
Чтоб не пришла беда назад.

Последние слова песни, вероятно, намекают на образование 13 июля в Париже «бессменного комитета» из представителей дистриктов (районов), которому было поручено отразить нашествие наемников короля. Песня пела:

В пылу любви отдайте жизнь!
Опорой будьте вы отчизне!
Мы в этот миг зарок даем
Бесстрашно встретиться с врагом.

Эти обещания и были исполнены в исторический день 14 июля.

Парижское население готовилось к битве. Полный порядок царил среди революционеров, руководимых «бессменным комитетом».

Не даром же песня говорит:

И в эту страшную неожиданную грозу,
Без плана, без обдуманных проектов,
Так много смелости и здравого ума
Среди народа проявилось!
Каков порядок был, дабы ничто не вышло
За город из-за городской черты!
И пушки были установлены поспешно
У всех ворот...
И ста колоколов унылый звон
Сигналом послужил для сбора,
И самый здравомыслящий совет
Сформировался очень скоро.

Другая песня отмечает, что граждан, готовых к борьбе, насчитывается до 200.000 человек, но, несмотря на такое количество народа, всюду наблюдается удивительный порядок.

Но одного порядка для одержания победы мало, необходимо еще оружие, необходимо вооружить народ. Об этом и позаботился «бессменный комитет», организовав гражданскую милицию и вооружая население.

«В данный момент,—говорит песня,—больше 200.000 человек готовы к делу»,

А городским правлением
Запас оружия дан
Для всех людей порядочных
И честных горожан.

Люди же «непорядочные» или, вернее, те, кто казались неблагонадежными революционерам, были разоружены.

Однако, и для людей благонадежных оружия было недостаточно: в наличности были главным образом самодельные пикеты, но и их не хватало для всех желающих принять участие в решительной борьбе. Мысли всех были направлены на Бастилию, с которой было связано столько мрачных воспоминаний и которая давно уже была ненавистна парижанам. «Бессменный комитет» хотел уладить дело мирным путем и отправил депутатов к коменданту Бастилии Делонне с предложением сдать ее без боя.

Песня так изображает этот момент:

Пришли тогда к Бастилии
 И стали толковать
 О том, чтоб комендант ее
 Нам начал помогать
 Избавиться от бед,
 Но он дает ответ:
 «Запас огромный пороха
 Имею, чтоб взорвать
 Из моего прикрытия
 Жандармов ваших рать».

После такого ответа гражданам оставалось только приступить к делу. И вот они направляются в «Храм Марса», т. е. к Замку Инвалидов:

В Храм Марса на крылах победы
 Летят они, и под знамена к ним
 Там строятся ряды—былые
 Возлюбленные славы,—

т. е. инвалиды. Однако, несравненно важнее был захват в Замке Инвалидов склада ружей, гранат и даже пяти пушек. Со всем этим богатством они вернулись к Бастилии и принялись за осаду ее.

Делоннэ, видя нерешительность своих солдат, согласился вступить в переговоры с осаждающими:

И скоро дал он знать,
 Что хочет крепость сдать,
 Спустил мосты подъемные,
 И граждане вошли,
 Но под огнем предательским
 На месте полегли.

Ряды осаждающих дрогнули при подобном вероломстве (а может быть, и недоразумении), но, как говорит песня: «Отважный буржуа, славный Гюлэн ободряет гвардейцев божественной речью, крича им: «Дорогие товарищи, граждане, берегитесь. Не позволим погубить и истребить наших братьев внутри этой каменной дыры. Надо победить или умереть».

Гвардейцы восхитительно
 Идут себе вперед
 Со всеми офицерами,
 И пыл их все растет;

Хоть пушка и гремит,
 Она не устрасит
 Отваги нападающих;
 Проломлена стена,
 И вот победа полная—
 Бастилия сдана!

И, отметив, что на штурм первыми пошли Арнэ и Эмбер, песня добавляет, что гражданин Эли, которого считали мертвым,—он ведь один из первых проскочил по подъемному мосту в крепость,—появился полным жизни на стенах Бастилии:

И, укрепив на шпаге,
 Несет он лист бумаги,
 А в нем капитуляция.
 Итак мы победили,
 И все кричать спешили:
 «Да здравствует же Нация!»

После этого все граждане

Идут толпой, летят, кричат
 И устремляются к темницам;
 Гюлэн, Эмбер, Мальяр, Эли
 Руководит героями—народом.
 Уж множество невинных жертв,
 Сиянье дня опять узревши,
 Тиранов злодеяние кляня,
 Благословенья шлют свободе.

Часть толпы, во главе с Мальяром, направляется к коменданту:

Они его хватают
 И шпагу отнимают:
 Не кончил бы с собой,—
 И к Ратуше ведут.
 За ними все идут
 Стотысячной толпой.

Делоннэ заплатил за свое вероломство:

Арнэ, бесстрашный гренадер,
 Набросился на коменданта:
 Предателем его считали все,
 Изменником законам чести.

Он защищаться был обязан,
 За это порицать его нельзя,
 Но притворился, что желает сдаться,
 И за предательство наказан был.

«Так погиб предатель,—добавляет песня,—и народная месть носила по улицам его голову на пике».

После этого песни славят народных героев и героизм самого народа, проливавшего свою кровь во имя свободы:

Отважные парижские солдаты,
 Свободы настоящая опора,
 Любовно воспою я вашу славу.
 Деянья ваши на прекрасные страницы
 Историей занесены навек.
 Триумф ваш, мир нам возвращая,
 Вас в Храм бессмертия вознес.

Они указывают, что народ так доволен своими гвардейцами, что впредь даст им название «национальной гвардии», что третье сословие доказало, насколько оно искусно в сражении, что «буржуазная гвардия была бесстрашна в огне битвы».

О, Рим!—воскликает песня—
 О, Рим, героями богатый,
 Когда ты изгонял тиранов,
 То сыновья твои,—потом владыки мира,—
 Смогли ли больше проявить величия?

Конечно, взятие Бастилии—«этой могилы стольких семейств», в которой, кстати сказать, к моменту осады было всего лишь 7 заключенных—должно было породить рассказы об ужасах, виденных победителями внутри ее. Эти рассказы нашли свое отражение и в песнях о графе Де-Лорже и о Железной маске; песни эти, напечатанные под лубочной картинкой, должны были возбуждать жалость народа к жертвам старого режима и ненависть к сторонникам его, тем более, что примечания к песням гласили, что граф Де-Лорж просидел 32 года в Бастилии.

Песня о Де-Лорже идет в виде диалога.
 Де-Лорж поет:

«Я могу понять с трудом,
 Что за грохот раздается
 Вкруг моей тюрьмы.
 Слышу, слышу пушек гром,

Вижу, свет волною льется,
 Прорезая царство тьмы.
 Уж не ангел ли хранитель
 К нам идет, как избавитель?»

А граждане отвечают ему:

«Отгони свои тревоги,
 Будь бодрей, старик убогий.
 Небом послан нам успех,
 Сколько радостей для всех!
 И мы счастливы сегодня
 Вашу долю облегчить;
 Выходи ж из пренеподней,
 Где ты думал век дожить».

Старец рассыпается в благодарностях, говорит, что доблесть его сограждан превосходит доблесть римских Сципионов и пр.

В песне же о Железной маске рассказывается, что в одном из подземелий был найден скелет, окованный цепями и с железной маской на черепе, что этот скелет принадлежал главному интенданту Фуке, привезенному при Людовике XIV с острова св. Маврикия в Бастилию, где он и умер при Людовике XV.

Мораль же этой песни такова:

«По этой пидиллии мы можем с достаточным основанием сказать, что Бастильская крепость была равна инквизиции (!)».

Жестоко издевается песня над поражением придворной камарильи и на мотив «Мальбрука» поет:

Сеньеры из Кагала,
 Миронтон-Миронтон-Миронтопа,
 Сеньеры из Кагала,
 Ступайте к чорту все! (трижды).

Канальи всяких рангов,
 Миронтон и т. д.
 Канальи всяких рангов,
 Проект ваш сорвался.

Всей сволочи сановной
 Наставлен длинный нос!..

и т. д.

Другая же песня, говоря о том, что Кагал, т. е. придворная камарилья, должен неминуемо погибнуть, очень недвусмысленно

обещает рубить головы «обманщикам короля». «Если для победы понадобится сто голов,—говорит она,—то будет срублено сто голов». Обещание, как известно, выполнено впоследствии в более широком масштабе.

Зато певцы превозносят принца Орлеанского, Неккера и, как полагается, самого Людовика XVI, которого именуют «новейшим Титом», вероятно, за то, что ему не удалось разогнать Национальное Собрание и раздавить революционный Париж.

Не забывают некоторые певцы и Бога:

Мы тысячи молений вознесем
Всесильному Владыке мира;
Он помощью своей великой
Послал победу нам над адом.
И в скинии его, простершись ниц
К подножию его священных алтарей,
Споемте в честь такого чуда
«Те Деум» вечное.

Этим примирительным аккордом и можно закончить главу о бурных Бастильских днях. То ликование народа, которое было вызвано падением Бастилии и которое отразилось в песнях, было достаточно обоснованным. Не даром Жюрес говорит, что «взятие Бастилии произвело громадное впечатление. Всем народам земли показалось, что рухнула темница всего человечества. Это было нечто большее, чем провозглашение прав человека, это было провозглашение силы народа, служащей праву человека. Из Парижа до всех угнетенных не только донесся свет, но и явилась надежда, и в этот час в миллионах сердец, косневших во мраке рабства, зажглась заря свободы».

Источники и пособия.

Кроме общих сочинений, посвященных истории Великой Французской Революции, для данной работы использованы следующие материалы.

1. Castil Blaze: Molière musicien, т. II, Paris. 1852.
2. J. Bujaud: Chants et chansons populaires des provinces de l'Ouest. Niort. 1886.
3. A. Baudon: Encore les éventails révolutionnaires. «La Rév. Fr.», т. 40. 1901.
4. A. Chalamel: La musique officielle depuis 1789. «France Musicale». 1841. 27/vi.
5. G. Chouquet: Les chants nationaux de la France. «Art Musical». 1867.
6. A. Combes: Chants populaires du pays Castrais. Castres. 1862.
7. Ed. Chardon: Révolution. Directoire. Dix ans de fêtes nationales et de cérémonies publiques à Rouen. 1911.
8. Chants manuscrits, in 4°. Recueil de Chansons. I vol. Рукописная библиотека «Opéra». 279—E.
9. Chanoine d'Avranche: Le clergé et la Révolution. Rouen. 1913.
10. Du Mersan: Chansons nationales et populaires de France. Paris. 1866. (17-е издание).
11. Dumersan et Noël Ségur: Chansons nationales et populaires de la France. 2 vol. Paris. 1852.
12. L. Daynard: Les vieux chants populaires de la France. 1910.
13. G. Duval: Histoire de la littérature révolutionnaire. Paris. 1879.
14. L. Damade: Histoire chantée de la première République. Paris. 1892.
15. G. Droux: La chanson Lyonnaise. Lyon. 1907.
16. E. Geruzez: Histoire de la littérature française pendant la Révolution 1789—1800. Paris. 1859 (?).
17. L. Guillemaut: Histoire de la Révolution dans le Louhannais. (Bourgogne). Louhans. 1899.
18. Th. Hersart de la Villemarqué: Barzaz-Breiz: Chants populaires de la Bretagne, т. II, Paris. 1845.
19. G. Jsembert: Chansons révolutionnaires. Сборник рукописных песен. Национ. Библиот. Nouv. acq. fr. № 10396.
20. L'homme: Les chants nationaux de la France. 1883.
21. G. Lecocq: La prise de la Bastille et ses anniversaires. Paris. 1881.
22. G. Leroy: Eventails, relatifs aux États Généraux de 1789. «La Rév. Fr.». Т. 39. 1900.
23. Lespy: Notes pour l'histoire de la chanson. Paris. 1861.
24. Mercier: Le nouvel tableau de Paris. 1790.
25. Marchant: La Constitution en vaudevilles. Paris. 1792.

26. **H. Monin**: La Chanson et l'Église sous la Révolution. «La Rév. Fr». T. 23. 1892.
27. **E. Maron**: Histoire littéraire de la Révolution. T. II. Paris. 1860.
28. **Fr. Mège**: Chansons politiques et satiriques en Auvergne pendant la période révolutionnaire. Clermont, Mont-Louis. 1888.
29. **H. Monin**: La chanson rév. en Franche-Comté, «Les Gaudes» (1904).
30. **Const. Pierre**: Les hymnes et les chansons de la Révolution. Paris. 1904.
31. **Const. Pierre**. Musique des Fêtes et Cérémonies de la Révolution Française. Paris. 1899.
32. **Poésies révol. et contre-révolutionnaires**. Paris. 1821.
33. **Révolution Française**: Poésies, Chansons. Paris. 1839.
34. **Les Républicaines**, chansons populaires de 1789, 1792 et 1830. T. I. Paris. 1834.
35. **E. Raunier**: Chansonnier historique, t.t. IX—X. Paris. 1883—184.
36. **Recueil de pièces satiriques et autres, inédites ou peu connues**, qui ont paru pendant le XVIII s. Версальск. библ. Рукопись: № 160 (98—F).
37. **Recueil de chansons de divers auteurs et mélanges**: «Recueil de chansons patriotiques sur la Révolution de 1789». Рукопись Версальской библ. № 177 (13 M.).
38. **Recueil: opuscules, chansons patriotiques etc.** Рукопись Версальской библ. № 165 (99—F).
39. **Recueil des discours, vers et chansons pour et contre la Révolution**. Рукопись Нац. Библ. № 12755 и f. sup. p.4558.
40. **Recueil de chansons, la plupart de période révolutionnaire**. Рукопись Нац. Библ. № 6620.
41. **Santonax** (Aulard): La poésie historique pendant la Révolution. «La Justice», 12/iv—1886.
42. **J. Schotty**: Histoire de France en chansons. Рукопись библиотеки «Opéra», 263—B.
43. **J. Tiersot**: Les Fêtes et les Chants de la Révolution Française. Paris. 1908.
44. **J. Tiersot**: Les Chansons de la Révolution, «Nouvelle Revue», 1884, VI.
45. » La Musique dans les Fêtes nationales. «La Réforme», 15/vii et 1/viii—1880.
46. **J. Tiersot**: idem. «Nouvelle Revue», VIII, 1884.
47. » La Musique de l'Époque révolutionnaire, «Bulletin de cercle St.-Simon», 1886, № 11—12.
48. **J. Tiersot**: Trois chants du 14 juillet sous la Révolution. Paris. 1899.
49. **S. Trébuchet**: La Chanson populaire en Vendée. Paris. 1896.
50. **P. Tarbé**: Romancéro de Champagne. Reims. 1863.
51. **J. Weckerlin**: La Chanson populaire. Paris. 1886.
52. **H. Welchinger**: Les Almanachs de la Révolution. Paris. 1881.
53. **Эстампы и лубки с песнями музея Carnavalet**. 1789, cart. 5, série A.
54. **Эстампы Нац. Библ.**: «Histoire de France», t.t. 77 по 106.
55. **Коллекция песен**. G. de Fixérecourt в библиотеке Сената.
56. **Отдельные сборники песен Руссо, Пюиса, С. Марешаля, Маршана и др.**
57. **Отдельные песни, разбросанные во всевозможных газетах, альманахах, календарях, журналах, сборниках и пр. и пр.**